

Подчинение женщин
(Возникновение Homo Gemeinwesen-10)

Блуждания и болезнь вида

[вместо предисловия]

Размещение в интернете труда «Возникновение Homo Gemeinwesen», опубликованного впервые с 1986 по 1991, в №№1-8 журнала Invariance, IV серия, необходимо в первую очередь, потому что эти номера уже давно закончились; во вторую очередь, потому что этот текст, будучи незавершённым, является фундаментальной основой для нашего этюда о психозе нашего вида (специоз-онтоз), который, в свою очередь, дополняет первый. Кроме того, это необходимо, потому что мы собираемся продолжить эти исследования, начатые ещё в 1982-м году.

Первоначальный заголовок был «Ситуация в рамках одного процесса», он был изменен в 1985-м на нынешний. С тех пор он стал подзаголовком. Самому тексту предшествуют «Ориентировочные тезисы». Это означает попытку позиционироваться и позиционировать вид в его становлении. В самом начале, я хотел написать небольшой этюд, состоящий из наблюдений о происходящих в жизни событиях. Во время редакции, текст начал разрастаться из-за того, что я столкнулся с вопросами, о которых у меня было множество документов, но, в первую очередь, потому что, осознав всё значение изучаемого предмета, я решил посвятить ему больше времени и внимания. В конце концов, мысль о том, что мы живём в эпоху распада, касающегося не только Запада, в связи с **потенциальной смертью капитала**, привела меня к поиску того, что должно будет возникнуть в будущем. Тогда я понял, что на наших глазах происходит возникновение вида Homo Gemeinwesen, которое вначале просто постулировалось, было желанным, но в реальности оставалось недопонятым. Ещё в ходе редакции текста, в конце восьмидесятых годов прошлого века и, особенно, в начале девяностых годов того же века я полностью осознал процесс этого возникновения.

Для того чтобы уточнить «ситуацию в рамках одного процесса», стоит вкратце указать на то, чем были восьмидесятые. Эту декаду можно охарактеризовать, как этап великого отлива и распространения реакции, что уже имело место в пятидесятых, с распространением подавления в виде «корректности», т.е. терапевтического, успокаивающего, анестезирующего, удушающего подавления. Это была эпоха утраты ориентиров, пораженчества и неуверенности. Конец процесса революции, исчезновение пролетариата, как революционного субъекта (и даже как класса общества), **потенциальная смерть капитала**, с которой было связано исчезновение наёмного труда, всё это травмировало многих мужчин и женщин, как слева, так и справа, и их позиции

по отношению к происходящему. В попытках лучше позиционироваться у нас появилась уверенность в возникновении Homo Gemeinwesen. Тем не менее, в ходе изучения этого возникновения, т.е. самого процесса становления Homo sapiens, мы почувствовали недостаточность самоутверждения индивидуальности-gemeinwesen, в качестве способа реализации пути к освобождению-возникновению для того чтобы достичь целостности Gemeinwesen в единстве с космосом. Поиск этого недостающего звена, которое вначале ощущалось неявно, но которое после долгих исследований привело к приостановке публикации Возникновения Homo Gemeinwesen, а затем в 1991-м, и самой его редактуры. Результатом исследований стал выход на первый план значения ребёнка в становлении Homo sapiens, а также пренатальной и перинатальной фаз в развитии каждого мужчины, каждой женщины, равно как и проблем специоза и онтоза. Отсюда, стало возможным уточнение пути в рамках процесса ухода из этого мира, о котором шла речь в начале этого текста. Речь шла о том, чтобы больше не ждать, перестать зависеть от становления существующего общества-общности, а значит реально выйти из него, не строя иллюзий о последствиях, которые может вызвать этот уход в непосредственной реальности. Самым важным условием стало избавление от динамики зависимости. В этом состоит суть наших исследований, опубликованных в пяти номерах V серии, и в «Форме и истории» - послесловии к «Происхождению и функции партийной формы» от 2001 г. Поэтому подзаголовок «Ситуация в рамках одного процесса», сохраняется для того чтобы уточнить, что речь идёт не просто о прекращении тысячелетних блужданий, не только об общности капитала, развитой в негативности этих блужданий, но о процессе, происходящем в позитивности, т.е. о процессе утверждения, возникновения.

Я должен уточнить, что мои исследовательские усилия, исходящие из моей собственной динамики развития, были сильно облегчены работой различных феминисток, психотерапевтов и учёных, с которыми я чувствую близость и, в то же время, различия. Их вклад будет отмечен далее, в подходящий момент.

События 11 сентября 2001 указывают на разрыв, связанный с уходом от природы, и в то же время бессознательное приведение в действие динамики «возвращения» к ней; это вызывает необходимость внести уточнения в блуждания Homo sapiens, и, в первую очередь, избежать переигрываний в динамике возникновения, утверждения, но не зависимости. Вследствие этого «Возникновение Homo Gemeinwesen» является заодно феноменологией специоза, относящегося к Homo sapiens, дополняющей «Возникновение и становление онтоза», и, одновременно, эскизом о возникновении Homo Gemeinwesen. Оба этюда направлены на достижение не-одомашненного бытия,

естественности, которая позволит новому виду освободиться-возникнуть и вновь обнаружить неразрывную связь с окружающим миром, как на уровне человечества, так и на уровне индивида.

Практически, после 1973-го, года, когда я опубликовал «Блуждания человечества» в №3 II серии журнала *Invariance*, речь шла о попытке понять причины начала блужданий нашего вида, а также его приручения, именно этот мотив руководил нами во время редакции текста, приведшего меня к написанию «Возникновения *Homo Gemeinwesen*». Сверх того, проявилась необходимость понять безумие и его причины. Когда было раскрыто возникновение и становление онтоза, а также специоза, я обнаружил основы и блужданий, и безумия.

Для того чтобы ещё лучше прояснить исходные данные нижеследующего этюда, мы публикуем также две прелюдии, которые были использованы в качестве предисловий, появившихся в первом и втором номерах IV серии журнала *Invariance* (1986).

С самого начала дополнением к Возникновению *Homo Gemeinwesen* служили «Заметки на полях одной реальности», позволившие лучше обрисовать черты мира, из которого мы ушли и продемонстрировать нашу открытость людям, всё ещё погружённых в него или ищущих путей для выхода из него; и в тоже время облегчившие понимание «ситуации в рамках одного процесса», о которой мы говорили.

Для того чтобы измерение феноменологии специоза проявилось ещё яснее, я добавил сюда же «Интегральные данные». Эти данные также должны помочь лучше разъяснить Возникновение *Homo Gemeinwesen*.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Прелюдия из №1 журнала Invariance, IV серии

Прелюдия из №2 журнала Invariance, IV серии

План Возникновения Homo Gemeinwesen

Интегральные данные

Возникновение Homo Gemeinwesen . 1

Возникновение Homo Gemeinwesen . 2

Возникновение Homo Gemeinwesen . 3

Возникновение Homo Gemeinwesen . 4

Возникновение Homo Gemeinwesen . 5

Возникновение Homo Gemeinwesen . 6

Возникновение Homo Gemeinwesen . 7

Возникновение Homo Gemeinwesen . 8

Редактура этого текста многим обязана многообразному, неослабному и драгоценному участию Кристины Каллегаро.

Нумерация (1-8) обозначает номера журнала Invariance, IV серия, в которых были опубликованы разные части Возникновения Homo Gemeinwesen. Это не номера глав.

ПРЕЛЮДИЯ

«Болезни нервной системы следует рассматривать как реверсию эволюции, т. е. как разрывы».

Джексон

Распад в процессе знания и фрагментация психического аппарата, находящегося в интимной связи с целостностью тела, порождает все виды безумия.

Но этим дело не ограничивается. Фактически, все болезни обладают одной и той же причиной, поскольку именно психический фактор – воображение – является решающим у Homo sapiens.

В данное время этот феномен касается равным образом органического тела как нашего вида, так и – по причине нашего вмешательства – того множества, что задействовано в целостности процесса жизни.

Распад происходит в процессе, который начался, возможно, более миллиардов лет назад, в клетках эукариотов, например. Фактически он происходит из-за симбиоза между различными доисторическими существами. Многие современные «болезни» происходят из-за распада, провоцирующего освобождение всех видов живых частиц, опасных тем, что они активизируют в себе сам процесс распада целиком. Это лишь один пример из многих. Можно сказать, что все процессы, соединяющие одни формы с другими, ансамбль которых составляет процесс земной жизни, проходят через распад и провоцируют разделение и автономизацию элементов.

Отсюда вновь возникает старый вопрос, который активно задавался во время буржуазных революций о человеческих отношениях на политическом уровне: как воссоединить то, что было разъединено? Можно ли создать иную общность?

Как было продемонстрировано много раз, решение каждый раз находили как раз в процессе распада. Люди хотели объединить разъединённое благодаря посредничеству. Предложение работать над новой общностью женщин и мужчин, вновь интегрированной в природу, получило лишь слабое эхо.

В наши дни, неспособность всех более или менее демократических, государственных решений, точно так же, как и неспособность решений религиозных и научных, осуществить это, не вызывает сомнений. В том, что

касается науки - она, разумеется, обладает громадной эффективностью, но она всё равно также действует в рамках процесса распада. С её помощью нельзя восстановить общность, необходимым условием которой является отрицание любой отчуждённой, отделённой от других мысли.

Поэтому мы оказываемся в следующей ситуации: происходит автономизация различных элементов, которые по очереди обретают первостепенную важность и, на плане самого вида, констатируется, что распадается всё то, что формировало его в течение миллионов лет. Воображение, как продукт освобождения предлобовых частей коры, последнего элемента, вмешавшегося в основание нашего вида, теперь также становится автономным. С одной стороны, оно позволяет, благодаря всеохватному воображению, поддерживать единство, с другой стороны, оно усиливает движение автономизации, ускоряющей процесс распада.

Речь идёт не только о том, чтобы знать, как установить человеческую общность. В наше время уже нельзя рассуждать, ограничиваясь только нашим видом, и предположения К. Маркса: Человеческое бытие – это истинное *Gemeinwesen* (бытие-вместе, прим. пер.) человека уже недостаточно. Любой антропоморфизм является препятствием для возрождения природы, без которого не сможет возникнуть новый вид, сменяющий собой *Homo sapiens*; с другой стороны это возникновение позволит гарантировать наше возрождение.

Нам нужно понять, как сформировался *Homo sapiens* и как он проложил свой путь, приведший его к нынешнему состоянию распада. Отталкиваясь от этого, можно хорошо понять и возникновение *Homo Gemeinwesen*.

(Январь 1986)

ПРЕЛЮДИЯ-2

Публикация «Возникновения HomoGemeinwesen» потребует, по крайней мере, ещё двух номеров, что займёт у нас время до конца 1987. Это если не считать обширной библиографии с комментариями и многочисленными цитатами, в тех случаях, когда цитируемый человек приобретает огромное значение для нашего этюда.

Для того чтобы сделать доступ к этим документам легче и быстрее, некоторые элементы библиографии будут затронуты в хронике Заметки на полях одной реальности. Тем не менее, в любом случае, возможно, для читателя предпочтительнее иметь перед собой весь план работы, для того чтобы лучше представлять себе наш путь и нашу цель. Здесь мы представляем различные главы и темы этого труда: (Ср. План)

Объяснение последней главы, в которой будет изложен феномен возникновения во всей его глобальности, позволит понять центральную тему нашего этюда.

Если мы примем во внимание, что, на наш взгляд, вертикальное положение является определяющим фактором для Homo (который можно рассматривать как вид) мы назовём Homo emergens (Человеком возникающим, прим. пер.), все виды относящиеся к Australanthropus (africanus, boisei, robustus, и т.д...), а также к Homo habilis, для того чтобы показать, что Homo, вплоть до нас, возник из этого излучающегося в разные стороны процесса.

Затем у нас будет Homo maturans (Человек зреющий, прим. пер.), к которому относятся Homo erectus (которых в прошлом называли Archanthropiens), поскольку именно с ними появляются самые важные элементы: увеличение головного мозга, усовершенствование орудий труда и вербального языка, овладение огнём, первые жилища, проявление эстетического измерения, и в то же время (внесистемное) расселение в различных направлениях на планетарном масштабе совпадающее с началом ледникового периода.

Мы сохраним термин Homo sapiens для обозначения Homo sapiens neanderthalensis и Homo sapiens sapiens, потому что в этом случае название очень хорошо передаёт смысл.

В конце концов, должен возникнуть Homo Gemeinwesen.

Мы уже говорили, что должны будем прийти к созданию новых органов, благодаря которым будет создан этот новый вид. Это утверждение фундаментальным образом связано с характером вида Homo: с его

способностью размышлять. Иными словами, этап, на котором мы находимся, является этапом, на котором мы должны взять в руки наше становление, при этом надо уточнить, что такие слова как производить или даже создавать подразумевают разделение, некую фабрикацию протезов – речь идёт о том, что наше специфически индивидуальное тело само содержит в себе всё, что необходимо для нашего видоизменения.

Может показаться, что мы остаёмся на уровне группы теоретических утверждений с собственной последовательностью, но без каких-либо подтверждений на конкретном уровне. Конечно, можно было – как это произошло – утверждать, как это делают сторонники превалирующих эволюционных теорий, что живые существа не пассивны и, вследствие этого, на уровне Ното, можно констатировать вмешательство фактора воли. Это всё равно остаётся лишь на уровне теоретической последовательности; однако в данный момент происходит достижение terra incognita.

В своей статье Молекулярные основы эволюции, опубликованной в специальном номере (98) журнала *Pour la Science* посвящённом биологии, Алэн Вильсон сделал два утверждения:

«Благодаря подобным наблюдениям можно констатировать, что морфологическая эволюция была гораздо более быстрой у млекопитающих, чем у земноводных, хотя конкретные мутации происходили в одинаковом ритме в обеих группах».

«...наши результаты подтверждают с одной стороны результаты, полученные благодаря традиционным таксономическим методом и, с другой стороны, они хорошо демонстрируют, что конкретных мутаций недостаточно, для того чтобы объяснить ускоренную морфологическую эволюцию млекопитающих».

Исходя из этого, он задаёт два вопроса:

«...какое отношение имеет молекулярная эволюция к эволюции макро-организмов? Почему самые сложные органические структуры млекопитающих развились так быстро?».

И отвечает на них:

«Я думаю, что эта эволюция, быстрая по сравнению с эволюцией членистоногих, произошла из-за большого мозга млекопитающих; более развитый мозг оказывает воздействие на внутреннюю эволюцию, которой не происходит у членистоногих. Это предположение основано на той гипотезе, что

эволюция организмов является результатом естественного отбора и, следовательно, состоит из двух компонентов, мутации и фиксации». (Схематически можно сказать, что мутация является вертикальным, а фиксация горизонтальным феноменом, прим. редактора).

Возможность фиксировать, закреплять выгодную мутацию представляется каждый раз, когда давление отбора изменяет направление. Существует два фундаментальных организма, модифицирующих направление эволюции, то есть два источника эволюционного давления, внешний и внутренний. Специалисты по эволюции обычно интересуются лишь внешними факторами, вроде изменений окружающей среды, в основном, из-за геологических сил (эрозия и формирование гор); они игнорируют внутреннее давление, происходящее из-за изобретательной способности мозга птиц и млекопитающих, являющейся основой “культурной” эволюции».

Нам сразу следует сделать одно уточнение: было бы предпочтительнее говорить не только о разуме, потому что в деле участвует вся мозговая масса, а точнее даже весь ансамбль органов восприятия и вся нервная система, если нет происходит разделение и мы рискуем автономизировать какую-то отдельную часть (если рассуждать на плане разработки представления, воздействующего на окружающую среду и изменяющегося под воздействием последнего).

Отметим также подтверждение ламаркистского видения процесса появления различных видов и в связи этим я должен подчеркнуть значение, которое Ж.Б.Ламарк придавал усилиям, напряжению живого существа. Это видение поддерживается и подпитывается работой Ж. Пиаже, который полностью отрицает элемент случайности, как объясняющего всё демиурга.

Кроме того, эта концепция позволяет понять гиперморфоз *Homo sapiens* из-за утраты им ретроактивности, произошедшей в свою очередь из-за отделения от природы, на которой основывается самодостаточность вида и индивида. Эта самодостаточность обладает позитивным эффектом, в той мере, в которой она приводит к поиску «корней», что ясно можно различить в господствующем представлении о фундаментальной отличительной черте нашего вида: его отличии от животных. Этот поиск не может приводить к открытию фактов, устанавливающих какое-либо отличное от этого представление. Тот факт, что мозг оказал решающее воздействие на эволюцию позволяет оправдать нынешнее становление; но он также позволяет утверждать, что возможно было совершенно иное становление.

Ведь Homo sapiens, конечно, всегда находился во взаимоотношениях с космосом и присутствовал в нём, но он отделился от природы (в первую очередь, от биосферы); он столкнулся с миром, который всё больше и больше состоит из машин, т.е. из заменителей всего того, что он утратил и реализовал в тавтологическом мире, как в зеркальной структуре. Поэтому, давление мозга на окружающую среду может лишь ещё больше механизировать и разрушать её. Homo sapiens тогда будет всё больше превозносить свою рациональность и реализовывать её, в то же время всё больше уничтожая свою чувствительность.

Но тот феномен освобождения-экспроприации, о котором говорил А. Леруа-Гуран может довести человека вплоть до утраты рук и вертикального положения, он может затормозиться если вид во всей своей целостности не вернётся к природе, но не в путём регресса, а путём усиления самого процесса познания, который сделал бы возможным многообразное и мощное слияние с космосом. Только расширение чувствительности позволит нам достичь такой реальности.

Для того чтобы прийти к возникновению Homo Gemeinwesen нужно, в первую очередь, достичь нового равновесия путём отвоевания непосредственности и конкретности бытия. Заключительные же моменты этого процесса будут рассмотрены нами в финальной части этого этюда о возникновении Homo Gemeinwesen.

Мы ни в коем случае не претендуем на полное раскрытие темы, и этот текст является лишь полу-разработкой, как его бы назвал А. Бордига. Эта неполнота раскрытия неизбежна в той мере, в какой новое представление должно возникнуть в связи с тем изменением образа жизни, которое мы предполагаем, по крайней мере, в момент нашего утверждения-констатации: надо покинуть этот мир. Новое представление возникает как широкое течение, способное излучаться. Это значит, что ничто не может быть стабильным.

Мы можем лишь приоткрыть завесу над процессом возможно уже начинающегося возникновения, соединённого в то же время с субстратом прошлого опыта, пережитого видом. В то же время, мы хотим отметить его глубокие пульсации и его волю к окончанию тысячелетних блужданий.

А. Бордига утверждал, что нужно вести себя так словно революция уже произошла. Это утверждение остаётся верным до сих пор. Нельзя ничего предпринять если не отталкиваться от той предпосылки, что выход из тупика существует, что блуждания заканчиваются, и что любая преграда и чувство

вины не имеют мотивов для существования. Возникновение Homo Gemeinwesen излучает уверенность.

(март 1986)

Возникновение Homo Gemeinwesen

План

Ориентировочные тезисы

* * *

1 – О жизни

2 – Обретение вертикального положения

3 – Внутриутробное развитие и гаптобеременность

4 – Вербальный язык – Миф

5 – Огонь

6 – Воображение

7 – Охота

8 – Формирование абстрагированной общности: Государства

8.1. Предпосылки

8.2. Скотоводство

8.3. Земледелие

8.4. Феномены, вмешивающиеся в становление вне природы: металлургия, письменность

8.5. Абстрагированная общность: Государство

9. Феномен стоимости

9.1. Зарождение и развитие стоимости

9.2. Государство и движение стоимости

9.2.1. Условия для возникновения второй формы государства

9.2.2. Уточнения о предыдущем становлении

9.2.3. Случаи зон вне Евразии

9.2.4. Вторая форма государства в Греции

9.2.5. Регионы вне Греции

9.2.5.1. Ближний Восток

9.2.5.1.1. Месопотамия

9.2.5.1.2. Евреи и государство

9.2.5.1.3. Урарту

9.2.5.2. Первая форма государства в Индии

9.2.5.3. Первая форма государства в Китае

9.2.5.4. О феномене государства в целом

9.2.6. Эволюция государства после становления стоимости

9.2.6.1. Запад: Греция, Рим, феодализм

9.2.6.2. Византийская империя и славянский мир

9.2.6.3. Мусульманский мир

9.2.6.4. Индия

9.2.6.5. Китай

9.3. Процесс познания и движение стоимости.

10 – Подчинение женщин

11 – Реакции на становление отчуждения и представлений о становлении вне природы

12 – Движение стоимости

13 – Бунты против капитала

14 – Влияние зон вне Евразии на становление Homo sapiens

15 – Травмы Homo sapiens

16 – Нынешнее состояние блужданий

17 – Данные, касающиеся возникновения Homo Gemeinwesen

ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Я предлагаю читателям интегрировать следующие данные, изложенные в восьми номерах IV серии журнала *Invariance* (до главы, посвящённой появлению мусульманского мира и работе Магомета), для того чтобы дополнить ими содержание номеров V серии, особенно тематики специоза-онтоза, и привести их в последовательность с ними, так чтобы Возникновение Homo Gemeinwesen рассматривалось как феноменология видового психоза (специоза) во всём, что касается становления Homo sapiens. Равным образом я воспользуюсь этим для того чтобы интегрировать данные, приобретённые в восьмидесятых годах прошлого века, иногда связанные с более поздними открытиями.

А - Неразрывность, разрыв, катастрофа

Нарушения неразрывности проявляются как катастрофы и наоборот. Они подтверждают, каким-то образом, запрет на неразрывность и тот факт, что становление нашего вида могло происходить лишь в разорванности отчуждения.

Катастрофы сыграли важнейшую роль в откладывании фундаментального отпечатка в сознании: угрозы риска истребления. Этот отпечаток отложился из-за угроз, представленных различными хищниками: плотоядными млекопитающими, различными рептилиями, хищными птицами и т.д. Это касается не только вида Homo sapiens, но всех видов Homo.

Угроза риска истребления выразилась в различных мифических повествованиях и, равным образом, также и в научных изложениях. «Кажется, что наш вид прошёл через стадию сурового отбора, словно через удушающее горлышко бутылки, с населением, сокращённым до 60 000 индивидов, от около 100 000 до 50 000 лет назад». Паскаль Пик, *Une Évolution buissonnante*¹. Données à intégrer

В различных повествованиях, зарождение и конец всегда связаны с какой-либо катастрофой. С самого начала её рассматривали в мифологии, затем в истории (например: в исследовании причин зарождения и упадка империй), затем в геологии, а сегодня и в космогонии.

Геология и палеонтология предоставляют множество элементов для нового переживания угрозы. Тем не менее, на Западе, она предстаёт в определённые исторические периоды. Кажется, что в этом гео-социальном регионе вид стремится отогнать от себя катастрофу, для того чтобы сохранить некую непрерывность, начавшуюся с разрыва с остальной природой.

---

¹ В *Pour la Science* от октября 2002 г. №300

Поэтому очень важным представляется наше поведение по отношению к этим катастрофам, а также к вечности, и трудность жизни в последней. Это проявляется в геологии, в которой изначально принцип неразрывности (в пространстве и времени) обладал существенной, основополагающей значимостью, в то время как нарушения неразрывности, проявляющиеся в несоответствиях, позволяют нам основывать хронологии.

Геология смогла полностью развиться лишь с того момента, как она оставила катастрофизм и, в первую очередь, идею о том, что неизвестные (фактически, человеческой памяти) в наши дни феномены могли действовать так, что мы можем, отталкиваясь от текущего жизненного опыта, понять всё, что было в прошлом, и предвидеть будущее. Иными словами, в иной форме, это перспектива периметра кривизны.

Самое интересное в геологическом подходе к феноменам жизни, это отношение пессимизма, которое господствует в одни периоды, и оптимизм, который воцаряется в иные. Стоит понять, почему вид под влиянием отпечатка угрозы или не может выйти из пессимизма, когда правят идеи упадка и разложения, или обнаруживает и утверждает оптимизм, выражающийся, к примеру, в идее прогресса.

Складывается впечатление, что периоды «античности» и «средневековья» (я ставлю кавычки, потому что использую эти термины лишь условно) были пессимистичными периодами. Напротив, Возрождение и особенно вторая половина XVIII века, стали временем оптимизма и прогресса. В наши дни мы входим в стадию, когда угроза истребления вновь становится действенной (фактически это началось ещё в прошлом веке). Наша эпоха характеризуется реализацией катастрофы и т.н. страшным судом, в котором всё прошлое вновь возвращается на поверхность в комбинаторике.

Здесь я приведу длинную выдержку из статьи в *Encyclopædia Universalis* (издание 1968) Ф. Элленбергера о Джеймсе Хаттоне (1726-1797), шотландском геологе, которая хорошо характеризует наш предмет. Для того чтобы лучше представить последнего, автор сначала использует концепцию немецкого геолога А. Г. Вернера.

«Этот неочевидный догматизм в его грубой простоте, в его практической кратковременной эффективности, охватывает собой весь корпус архаической мысли, иногда с отступлениями к Бюффону. В период расцвета века Просвещения, историю мира продолжали представлять себе как трагедию, как краткое, необратимое, враждебное развитие событий через череду катаклизмов (из которых не последним был библейский потоп). Этот пессимизм, несомненно, уходящий корнями в античные доктрины и тревоги коллективного подсознания, сохранился у Вернера, возродился в иных формах, например, в теории о серии Творений Кювье и в теории о горообразующих катастрофах Элии де Бомона. Именно против этой неумолимой космогонии, против этого

пораженчества, против жестокости этой целенаправленности, против этого абсурда, восстал Хаттон. (...)

Можно удивляться отправной точке всей мысли Джеймса Хаттона, с самого начала ясно изложенной без всяких околичностей. Речь идёт скорее о телеологическом постулате, о подлинном акте веры, чем о пари, и значит этот, наивный на первый взгляд, финализм, содержал в себе очень ясную и плодотворную догадку, как и позитивизм Вернера: в мировой экономике оперирует мудрость, упорядоченная сила управляет природой, её цель в том, чтобы Земля продолжала быть обитаемой, без каких-либо ограничений для срока её жизни.

Хаттон говорит, что плодородные равнины сформировались из-за разрушения наших гор; их почва, в свою очередь претерпевает эрозию, поступает в потоки, стремящиеся к морским берегам и глубинам. Если вещи будут продолжать идти этим ходом, вся возникшая земля будет уничтожена в ходе её долгой истории. Поэтому нужен механизм, который постоянно восстанавливал и исправлял бы эту чудесную машину.

Сама Земля должна подсказать как, и открыть нам свою историю. Её камни очень часто являются древними отложениями, огромное разнообразие которых проявляется в свете самых различных феноменов, которые следует изучать в наше время. Значит не существует никакой взаимосвязи между природой камня и его возрастом. Современный мир и его пейзажи являются лишь мигмом в долгой череде прошлых и будущих пейзажей, чья естественная непрерывность не может быть уничтожена никаким катаклизмом, никакой катастрофой, чья сущность была бы чуждой современному миру».

В том, что касается горообразующего и осадочного становления (формирования горных гряд), геологи больше не говорят о катастрофах. Фактически теория о плитах не является главенствующей, несмотря на то, что она постулирует феномены, которые могут проявиться в огромном уровне разрушений в определённые периоды. Вместо этого речь идёт о пяти основных периодах вымирания, которые можно рассматривать как катастрофы в том смысле, который придавал им Ж.Кювье. С другой стороны теория Дж. Гулда о пунктирном равновесии подразумевает периоды затишья (сопоставимые с теорией Ч.Лайеля) и периоды катастроф, вызывающих нарушения непрерывности. Добавлю, с другой стороны, что, начиная с того момента, когда некоторые феномены, спровоцировавшие интенсивные катастрофические разрывы, объяснены, они начинают утрачивать свой катастрофический характер, словно бы избегая реализации угрозы. Я бы добавил к этому, что падение метеоритов, вызвавшее пятое вымирание, на границы между меловым и третичным периодами, всё же продолжает восприниматься как катастрофа. Я имею в виду, что катастрофа – это нечто в первую очередь непредвиденное; то, что ставит в тупик весь наш процесс познания.

Согласно статье Ф. Элленбергера, концепция Джеймса Хаттона была близкой к концепциям Дж. Лавлока, особенно, когда он говорит о «мудрости... упорядоченной силе, управляющей природой ...».

Возвращаясь к истории геологии, у меня есть ощущение, что последняя появилась как наука в тот момент, когда вид не ощущал угрозы, по крайней мере, на Западе. Фактически, Ч. Лайель, современник Дарвина, действовал в середине XIX века, во время полного развития капиталистического способа производства; когда не только теория – у И. Ньютона – но и практика – развитие производительных сил позволили развиться вере в идею прогресса – и тогда вид обрёл какую-то самоуверенность. Это напоминает мне в первую очередь о работе И. Ньютона. Теория всемирного притяжения позволила ему выдвинуть всеобъясняющий закон, укрывающий человека от угрозы. Он смог разгадать мысль Бога, как это хотел сделать Стивен Хоукинг (космолог). В то же время у него отпала необходимость в продолжении своих алхимических занятий, в то время как его исторические занятия позволили ему оправдать текущий момент, момент, когда он сам сможет выйти из экзотерической неясности (тот который ещё не настал). Он станет директором Монетного двора и официальным лицом. В глубине души он обладал абсолютной уверенностью. Для него также в работе космоса и в человеческом обществе существовала определённая мудрость.

Работа Кларка Максвелла и А. Эйнштейна стала венцом ньютоновской теории. Знаменитая фраза Эйнштейна: «Бог не играет в кости», хорошо указывает на неразрывную связь между ним и И. Ньютоном. Истинный разрыв произошёл в квантовой гипотезе М. Планка и, особенно, в работе Н. Бора. В каком-то смысле, угроза появилась вновь у них, и у их продолжателей. Реабилитация больше неэффективна. Научный мир, по всей видимости, не хочет принимать это. Нам обещают большие празднования столетия публикаций А.Эйнштейна, в следующем году, скрывая в то же время, на мой взгляд, мучительный разрыв, ставший следствием квантовой гипотезы М. Планка.

В течение XX века угроза истребления вновь с силой заявила о себе в резне и в пятидесятых, в работе И. Великовского, ставшей возвратом к теории катастроф, как на историческом, так и на геологическом и космическом уровнях². Тем не менее, мощное развитие капитала, функционировавшего без кризисов, было более благоприятным всё-таки для оптимистической динамики, которая была вновь поставлена под вопрос в конце семидесятых. Теории пунктирного равновесия, хаоса, катастроф свидетельствуют о реактивации угрозы,

---

² Иммануил Великовский (1895-1979) написал несколько книг в пятидесятых, самой знаменитой из которых, пожалуй, является Столкновение миров, Изд. Le jardin des livres, Paris, 2003. Для того чтобы правильно оценить его значение, необходимо знать эту работу. В данный момент мы говорим о ней, как о книге, содержащей важное открытие: наш вид живёт под угрозой истребления. Вот почему я хотел бы процитировать здесь «Столкновение миров» (стр. 345). «В свете его теорий (З.Фрейда, ред.), мы можем задаться вопросом, в какой мере ужасные переживания природных катаклизмов стали частью человеческой души, и в какой пропорции их можно обнаружить в нашей вере, в наших эмоциях, в нашем поведении, насколько они укоренены в бессознательных и подсознательных сферах нашего разума».

распространяющейся в данный момент в виде свидетельств о VI вымирании³, новой моды на книги И. Великовского и т.д.

В заключение скажем, что катастрофы действительно происходят в космосе и в природе. Но на деле самой серьёзной катастрофой является не природное стихийное бедствие, а то, что может развиться в сердцах у различных человеческих группировок, связанных с огромными психическими потрясениями, накапливаемыми в течение десятилетий.

Абсолютно травматический характер первых связан с тем фактом, что человечество в ситуации психической катастрофы не сможет правильно отреагировать на них. Эта их черта подчёркивается тем фактом, что они словно помогают вновь пережить катастрофу, растворённую во времени, которую можно осознать лишь с трудом: нарушение неразрывной связи с природой ради того чтобы обезопасить себя, сбежать от мира жизни, как чересчур полного угроз и катастроф. Для того чтобы деактивировать отпечаток риска истребления, связанного с этим, вид должен оставить своего поведение нарушителя неразрывности, проявляющееся в частности в войнах и революциях. Для того чтобы достичь человеческой общности, в которой сможет проявляться индивидуальность, не нужно превозносить brutальное и мгновенное нарушение непрерывности, тотальный разрыв с прошлым, с отрицанием, которое может реализоваться в подавлении всего того, что хоть отдалённо напоминает о тысячелетней динамике угнетения, особенно если мы будем продолжать мыслить в терминах друзей и врагов, для этого нужно жить в процессе растворения этого мира, которое начинается с ухода из него. Становление *Homo sapiens* было становлением в отчуждении, в прерванной неразрывности, даже когда он стремился к ней; становление *Homo Gemeinwesen* подразумевает постоянное действие в неразрывности, благодаря постоянному утверждению естественности и всех приобретений тысячелетних поисков.

Угроза переживается бессознательно и её сила реактивируется в важных событиях, как в природе, так и в человеческом мире, ставя *Homo sapiens* в зависимость. Однако в начале своего болезненного становления он ещё не был раздавлен страхом угрозы; его естественность проявлялась во всей полноте, как об этом свидетельствуют украшенные росписями стены пещер в различных регионах планеты.

В - Натуроэволюция и гаптоэволюция.

С обретением вертикального положения, очеловечивание является достигнутым, что означает конец натуроэволюции. Антропогенез реализуется

---

³ На эту тему см. статью Энди Лёпфе VI° вымирание, в журнале (Dis) continuité, №17 (изд. Ф. Боше, Le Moulin des Chapelles, 87800 Janailac). Я бы добавил, что в распространении гомосексуальности проявляется риск вымирания вида. Отсюда и поиски искусственного оплодотворения, что стало бы иным видом уничтожения человечества. Это лишь пример опасностей, с которыми сталкиваешься когда ставишь под сомнение ключевые характеристики вида *Homo sapiens* как живого существа; помимо сексуальности к ним относится вертикальное положение, оральность, техника.

благодаря гаптоэволюции, подразумевающей формирование человеческой среды и сопоставимого с ней человеческого мира. Фактически благодаря тому факту, что ребёнок рождается незавершённым, что существует период инфантильности, на уровне всего вида происходит гаптоэволюция – эволюция, которая возможна благодаря контактам между представителями вида – и которая позволяет совершаться процессу формирования. Эта гаптоэволюция подразумевает развитие коммунитарной формы потому что ребёнку нужны постоянные заботы, присутствие без которого невозможна реализация его психического и соматического развития. У него есть потребность не только в биологических отце и матери (что считается ядром семьи), но также и в других взрослых родственниках и детях. Семья не отличается от общины. Отношение к детям является основой формы общности, общества, точно так же как тип общности определяет характер детей, затем взрослых.

Если отталкиваться от этой константы, эволюцию вида уже нельзя рассматривать, опираясь только на мужской пол, как это происходило в течение долгого времени, или даже на женский фактор, подобное исследование следует проводить, интегрируя в анализ фактор ребёнка, а значит, задаваясь вопросом о том, как эволюционируют мужчины и женщины, чтобы происходило полное развитие ребёнка и как действуют дети для того чтобы их лучше принимали.

Работа феминисток и, насколько я знаю, особенно Нэнси Мэйкпис Таннер, помогла прояснить очень многое. Она подтверждает наше исследование становления вида, как общности, и в то же время указывает на то, что нельзя изучать эволюцию мужчин и женщин индивидуально, но в качестве общностей, в которых ребёнок обладает первостепенным значением.

Н.М. Таннер настаивает на определяющей роли женщин в производстве инструментов и показывает, что галечные орудия были не просто инструментами, но инструментами для производства инструментов (палка-копалка например). Она также считает, что они изобрели собирательство, как новый способ использования растительных ресурсов при помощи инструментов. Она добавляет «(...) собирательство подразумевает добывание и транспортировку большого количества продуктов питания, предназначенного для потребления растянутого во времени, большим количеством индивидов; благодаря ему стали возможными более долгие периоды для развития ребёнка.

Все эти аспекты должны соотноситься с собирательством растительной пищи в саванне, которая стала базой для способности к адаптации. Именно женщины придумали собирательство, потому что их потребность в питании была более значительной в периоды беременности и кормления, когда их дети постоянно требовали пищи, у них было гораздо больше мотивов для технологических изобретений»⁴.

---

⁴ Нэнси Мэйкпис Таннер, *On becoming human*, Cambridge University Press, 1981 (О человеческом становлении); итальянский перевод : *Madre, utensili, ed evoluzione umana*, Изд. Nicola Zanichelli, Bologna,

Ещё одна женщина, также антрополог и палеонтолог, Сара Блаффер Харди, подтверждает, что для хорошего развития ребёнка требуется несколько матерей, которых она называет кормящими матерями, помимо естественной матери. В своей книге *Mother Nature*, 1999, (Мать природа), переведённой на итальянский так, чтобы намерения автора стали ещё более явными: Материнский инстинкт – между природой и культурой, двойственность роли женщины в воспроизводстве вида, она подробно развивает свой тезис⁵. Она показывает, что все черты инфантильности благоприятны для ребёнка, которого благодаря им лучше принимают, и она подтверждает явный, на мой взгляд, факт, что именно ребёнок изобрёл улыбку. Следуя за ходом её мысли можно сказать, что ребёнок придумал своеобразный соблазн для того, чтобы взрослый не бросал его. Улыбку вводит его в динамику принятия, которая уже не является просто динамикой заботы. Это, как если бы ребёнок подчёркивал свою зависимость и проявлял ее, для того чтобы утвердиться в неразрывности и интегрированности. Это предоставляет ему всё, что необходимо для его становления.

Для развития гаптоэволюции требуется человеческая общность. Работы Ф. Ренггли⁶ подтверждают этот очевидный факт.

«Человеческий вид утратил свой волосистой покров около 4-5 миллионов лет назад, когда он вышел из девственного леса в сухие саванны и степи Африки. И, несмотря на прошедшее с тех пор время, человеческие младенцы всё ещё рождаются с руками и ногами в таком положении, словно они стремятся прицепиться к «меху» своей матери. Т.н. «примитивные» цивилизации хорошо знают или догадываются об этом, и именно поэтому младенцев там постоянно носят на руках, а спят они обнажёнными, прижавшись к телу своей матери. Все те, кто мог наблюдать за этими народами, удивлялись спокойствию этих детей, явно проистекавшему из постоянного телесного контакта со своей матерью или

1985 (Материнство, орудия и человеческая эволюция). Цитаты приводятся из итальянского издания, стр. 151, 152 и 245.

⁵ Сара Блаффер Харди *Istinto materno – Tra natura e cultura, l'ambivalenza del ruolo femminile nella riproduzione della specie*, Sperling & Kupfer Editori, Milano, 2001 (Материнский инстинкт – Между природой и культурой, двусмысленность роли женщины в воспроизводстве вида).

⁶ Мы цитируем Франца Ренггли по итальянскому изданию, *L'origine della paura. I miti della Mesopotomia e il trauma della nascita*, Roma, Ed. scientifiche Ma.GI, 2004 (Происхождение страха. Мифы Месопотамии и травма рождения). В ней он показывает, что мифы повествуют о страданиях, перенесённых во время внутриутробного периода и родов. Это обладает огромным значением для объяснения блужданий вида, специоза, и некоторых источников символической мысли.

«В Библии, когда люди строят город и планируют возведение башни достигающей небес, они выражают этим желание вернуться к пренатальной стадии, чтобы о них снова заботилось божество, связь с которым возобновляется благодаря этой пуповине».

«Это напоминает нам, что единство зародыша и плаценты является космическим деревом. Эта космическая связь нарушается в момент родов, когда разрезают пуповину».

Ф.Б.Кюйпер настаивает на взаимоотношениях между зачатием (которое можно пережить вновь) и космогоническими мифами. Ср. *Cosmogony and Conception*, в «History of religion» от ноября 1970 том10.№2.

другим близким человеком. Следует также подчеркнуть, что в этих культурах ребёнком постоянно занимаются от 10 до 20 человек. У младенца всегда сохраняется это архаичное стремление к телесному контакту, или иными словами, архаичный страх утраты этого физического контакта»⁷.

Благодаря общности гаптоэволюции, как продления натуроэволюции, дети получают наилучшее возможное развитие. Она делает возможными гармоничные сексуальные отношения между мужчинами и женщинами, которые могут жить как в многочисленных связях, так и моногамной связи, в соответствии со своими желаниями (которые могут эволюционировать во времени), поскольку очевидно, что лишь сформировавшиеся взрослые могут гарантировать эффективную гаптоэволюцию.

Гаптобеременность, поставленная под вопрос, из-за увеличивающегося разрыва между матерью и ребёнком (что затем повторяется и с отцом), который является в наши дни самой сильной тенденцией нашего вида, может привести к полной утрате баланса, равновесия, к такой форме безумия, которое способно привести к истреблению вида. Именно в этом вид переигрывает угрозу.

С – Уход от природы

Динамика ухода от природы – это динамика отчуждения, подразумевающая отказ от становления в обмен на гарантию безопасности; это нарушение неразрывной связи ради того чтобы уйти от зависимости, в котором очевидно проявляется несоразмерность между тем, кто отделяется и тем от чего он отделяется. Основной целью этого процесса является, следует ещё раз подчеркнуть это, гарантия защиты вида, его безопасность. Это мог быть только очень долгий процесс, зачастую противоречивый, скрытый, непрямолинейный, связанный с созреванием в виде Ното элементов, способных реализовать его, в первую очередь, мысли (воображения) и технической деятельности.

Возможность описать, как происходил разрыв с остальной природой, представляется благодаря тому факту, что мы не только подошли к завершению этого процесса, но также благодаря его провалу. Мы знаем, что было предпринято в этом процессе и зачем. Отсюда, мы можем, благодаря анализу переигрываний первоначального акта, разворачивающемуся от настоящего в глубь тысячелетий, представить себе, что именно произошло.

Отправной точкой является возникновение угрозы, своеобразный синтез воздействия различных травм, происшедших с видом homo в течение эволюции,

---

⁷ Ф. Ренгли, *Les bébés veulent être portés* (Младенцы хотят чтобы их носили, прим. пер.).

http://perso.wanadoo.fr/bebe_veulent_être_porte.htm

Говорить об архаической потребности значит думать, что поведение младенца является реликтом предыдущей адаптации, которая может исчезнуть. На деле она бывает архаичной (древней, изначальной) и в то же время остаётся очень современной.

что подразумевает развитие важной способности представления, позволяющей связывать различные воспоминания и придавать им консистенцию в здесь-и-сейчас. Эта способность была равно необходимой для проявления воли к уходу от угрозы.

Можно предположить, что для разрыва с природой, для выхода из неё, нашим очень далёким предкам пришлось постулировать существование потустороннего, сверхъестественного, виртуального мира, в котором они могли бы найти точку опоры, ориентир, благодаря которому они смогли обрести бытие, оторванное от непосредственности, в то же время, переживая травмы, переигрываемые в увеличенном масштабе, в форме замешательства. Подобное предприятие было бы невозможным без развития воображения, позволяющего придать консистенцию небытию, нематериальности, а также вербального языка, благодаря которому стало возможным передавать, сообщать элементы, не связанные с непосредственной реальностью, оторванные от неё, а значит не подлежащие телепатическому общению, подразумевающему неразрывную связь. Оно также вызвало необходимость в постоянно ускоряющемся развитии техники стремящейся к тому, чтобы сделать виртуальный мир более ощутимым, или, по крайней мере, симулировать его.

При непосредственной реализации, этот процесс подразумевает, до того, как он становится чрезмерным и вызывает безумие, отказ от становления, утверждение запрета на связь с природой и зарождение чувства вины, наивысшей точкой которого является динамика самооправдания и самоутверждения. Это нарушение неразрывной связи с остальной природой соответствует прерыванию процесса, а значит акту насилия, за которым следует неразбериха и замешательство.

Это происходит не индивидуально, а на уровне общины, взывающей к сверхъестественным, потусторонним силам. Эффективность данного процесса проявляется в той мере, в какой непосредственный мир теперь определяют феномены, недоступные для непосредственного восприятия. Невидимое с самого начала обладало большим значением, что видно уже на уровне таких феноменов как ветер, такой мощный и такой невидимый. Ясно, что интеллектуальные способности, мысль, были главными факторами в этом процессе. Но это не вопрос духа, я не утверждаю, что людей заботили исключительно «духовными» вопросами. Они обратились к абстрактной мысли для того чтобы решить очень конкретную проблему: как найти защиту от угроз природы, которой они не могли доверять и доверяться.

Уход от природы подразумевает начало динамики поисков спасения, которая также содержит в себе измерение познания, позволяющее определять, от чего именно пытаешься спасти и чего хочешь достичь, а это вполне практичное измерение. Отсюда возникает, например, магия, миф, религия, философия, наука, революция (являющаяся лишь процессом трансформации мира, но в то же время образом жизни тех, кто хотел бы реализовать этот процесс). Это

связано с диалектикой действия и слова. Тем не менее, текущая мысль, действующая в ком-либо, автономизируется из-за поисков сверхъестественного мира, служащего началом жизни и гарантией её безопасности. С этих пор усилия мысли направлены на отображение не только того, что существует, но и на отображение того, что не существует⁸. Отрицание происходящего, отказ от него и мысль о том, что не существует, подразумевают крупный акт творения, основой которого служит воображение. Мысль, в то время как она рассматривает несуществующее, на деле выражает собой то, что существует и держит в своих тисках человечество: желание обрести безопасность и выйти из тумана неясности и замешательства, добиться признания, а также его стойкую неудовлетворённость.

Значение сверхъестественного мира происходит из того факта, что он бессознательно действует в качестве компенсации того, что было утрачено из-за нарушения связи с природой. Он как бы заполняет собой пустоту, созданную нарушением неразрывности, и заменяет собой всё то, чего теперь не хватает, но он никоим образом не может деактивировать отпечаток незавершённости, следствием которой он является.

Сверхъестественный мир создают, но в то же время исследуют и познают. Ясно, что очень часто наркотики, позволяющие достичь паранормального состояния, в котором лицо, принимающее их, может осознавать нечто, недоступное для нормального восприятия, сыграли большую роль. Этот мир «гарантирует безопасность» вида, не даёт ему погрузиться в депрессию. Это не означает, что он определяет собой непосредственный мир, в каком-то смысле параллельный ему, мир поддержки и уверенности. В его познании также активно участвует феномен, получивший название искусства.

Сверхъестественный мир может стать настолько изобильным, что естественный мир просто исчезает в нём и, в конечном итоге, он начинает мешать нормальному процессу естественной, повседневной, профанной жизни. Тогда начинается процесс истребления, «разочарования» в мире, который может принять формы рационализма, гуманизма, как это произошло при возникновении капиталистического способа производства и науки (экспериментальной науки). Но знание, даже научное, не может деактивировать отпечаток незавершённости и угрозы, поэтому вновь возникает мистическое измерение, и необходимость в сверхъестественном мире ясно демонстрирует себя у тех народов, которые до сих пор подвергались отрицанию, игнорированию, как это происходит в наши дни. Это «возрождение» совпадает с феноменом экстрагирования, компенсирующим слабость бога (выражение исчезновения природы).

---

⁸ Это противоречит утверждению Дж. Семерано: «...мыслить то, чего не существует значит не мыслить, это смутное воображение, призрак мысли». *L'infinito : un equivoco millenario. Le antiche civiltà del Vicino Oriente e le origine del pensiero greco*, Изд. Bruno Mondadori, Milano, 2001, стр. 71 (Бесконечность: тысячелетняя двусмысленность. Древние цивилизации Ближнего Востока и происхождение греческой мысли).

Но есть ещё одно решение, которое не поддаётся переигрыванию: окончательный выход из природы и достижение ноосферы. Жизнь в естественности слишком болезненна, слишком полна страданий: уйдём из нашего тела, станем чистым духом, т.е. виртуальными существами в виртуальном мире. Для того чтобы реализовать это требуется постоянная деятельность, способная разорвать связи с конкретным, непосредственным миром и оставить нас в альтернативной духовности. Это был бы поиск работы, начинающийся с обращения в рабство нашей естественности и появления иллюзии о том, что когда-нибудь от неё можно полностью избавиться «по образу и подобию» созданному веками угнетения и попыток окончательного ухода в воображаемый, невидимый мир, служащий оправданием для угнетения.

Я не буду подробно останавливаться на уходе от природы, потому что это потребовало бы полного анализа возникновения специоза. Я укажу лишь на три очевидных последствия этого процесса.

Существование сверхъестественного мира, который усложняется, как это можно видеть в гностических концепциях, требует развития эпистемы интерпретации, герменевтики, т.е. дисциплины познания, способной раскрыть то, что скрывается под видимостью непосредственной реальности, а значит достичь сокровитного, эзотерического мира, который в свою очередь, представляется непосредственным благодаря герменевтической операции, и, поэтому, требует всё новых и новых толкований. Этот процесс равным образом разворачивается в научном мире, в котором учёные занимаются поиском недостижимой (завуалированной) реальности. Точно так же это происходит и в социальном мире, в котором фактически господствует мистификация и что-то вроде социальной герменевтики необходимо для его понимания.

Уход от природы отправляет вид в изгнание. В изоморфной манере, на индивидуальном уровне, у персидских, христианских, мусульманских гностиков, этот образ жизни был принят, вместе со своеобразным раздвоением сверхъестественности у них на отношения с плохим богом и с хорошим, но скрытым богом.

Нарушение неразрывности становится основой формации, которой требуются тысячелетия, концепции бытия, существования, смысла, природы-субстанции. Существовать значит уходить от непосредственности, от неразрывности, для того чтобы проявиться.

Вкратце, уход природы заключается в уходе от вечности для освобождения во времени. А во времени вид полностью отдаётся работе.

D - Подавление, терапия, власть

Угнетение заключается в подавлении естественности и запрете на неразрывность. Его негативной формой, которая может рассматриваться как

дополнение к нему, является вседозволенность, приводящая к тем же результатам. Фактически она характеризуется отсутствием самоутверждения родителей и мешает непосредственной реализации неразрывности, отражая собой факт игнорирования, как отсутствия самоутверждения и признания. Способность к противодействию снижается, отсюда – утрата ориентиров, которая может сопровождаться проявлениями насилия. В обеих формах угнетение является динамикой насилия. Она откладывает свой отпечаток на всё становлении своих переигрываний; точно так же как причиной отчуждения становится тоже интенсивный процесс подавления.

Подавление – это основной вид терапии; все остальные виды выходят из него. Это динамика, в которой родители стремятся излечить своего ребёнка от его естественности, освободить его от этого зла; она стремится помочь ему выйти на высший уровень, усовершенствовать, спасти его. Благодаря ей становится возможным приручение (одомашнивание) и введение ребёнка в полностью искусственный мир. Она разрывает его связи с естественностью, которые рассматриваются как моменты блужданий, моменты ошибок, отклонений, aberrаций. В то же время, она служит исцелению родителей: она исцеляет их от недостатка власти, который они пережили сначала в детском возрасте, затем в обществе. Подавление – это такой вид человеческого поведения, в котором власть становится видимой, осязаемой, и помогает придавать форму, производить, как говорит М. Фуко, и, я добавил бы, производить формы.

Подавление находится у истоков специоза и онтоза, а также более или менее интенсивных патологических проявлений, из-за которых в свою очередь становятся необходимыми различные виды терапии, направленные на исправление негативных последствий подавления, что погружает вид в постоянные переигрывания. Тем не менее, подавление не может продолжаться, если не будет реактивироваться отпечаток угрозы; отсюда постоянные переигрывания риска истребления. Это динамика трансцендентности, поиска потустороннего мира, в котором возможна безопасность, высшего блага (вершины лестницы ценностей), нового источника нумена, а значит власти, как участия в нём.

Подавление направлено на избавление от угрозы, как источника страхов; именно поэтому оно выражается в динамике «это всё для твоего же блага». Подавляют, для того чтобы уничтожить угрозу, которую другой не видит, не осознаёт. Для того чтобы оправдать его прибегают к высшим данностям, существам, к трансцендентности и утверждению сознания необходимости пройти через него, чтобы спасти другого от чистого, простого, естественного существования. Каждый раз, когда вытесняют или подавляют некий страх, заодно скрывают и становление, приведшее к его бессознательному утверждению, и о котором, соответственно, индивид не догадывается. Часто подавляют, потому что отождествляют с собой. Делая это, бессознательно считают, что спасают от опасности, от угрозы.

Для того чтобы осуществить подавление и этим реализовать становление вне природы, вне угрозы, требуется действующее лицо, агент, оператор: власть, отправляемая в динамике постоянно возобновляемой зависимости. Отсюда необходимость в введении запретов, основным из которых является запрет на восстановление неразрывности. Симметричным образом, нарушение запретов в каком-то смысле порождает власть.

Любой мужчина, любая женщина, обладают властью. Как получается, что власть сосредотачивается, концентрируется и отправляется в качестве таковой, и что ей подчиняются, добровольно или нет, словно бы теряя свою собственную власть, которую можно реактивировать в иных обстоятельствах. Как концентрируется власть? От изоморфного движения лишения, концентрации и исключения к формированию стоимости. «Для того чтобы появилась стоимость надо, чтобы появилась зависимость, это одно из её ключевых условий». Invariance, IV серия, №5, стр. 11.

О власти почему-то говорят, как о реальном существе, как о высоко различимом объекте. На мой взгляд, в данном случае, речь идёт о химере. Фактически за словом власть, действует каскад, цепь, конкатенация, длинный ряд, поток людей, оказывающих постоянное давление, вынуждающих нас двигаться в определённом направлении; действующих так, чтобы мы не могли забыть о том, что они пытаются внушить нам. Неумолимость власти, реализуемой различными людьми (власть воплощается в сумме их действий; без них она бы не существовала), проистекает из инфернального механизма, бессознательно задействованного в момент разрыва с природой, механизма, обязывающего нас двигаться в отчуждении, под давлением и принимая подавление естественности в каждом из нас.

Подавление и травмы (которые могут быть связанными с ним), вызывают регресс. Я задаю себе вопрос, не было ли становление вида заблокировано, и не пытается ли он выйти из этого заблокированного состояния. Переигрывания, вплоть до нашего времени, лишь усиливают регресс, а это может служить основанием для теории, согласно которой эволюция является регрессом, а не прогрессом.

Вседозволенность – это форма подавления, мешающая неразрывности. Во вседозволенности нет неразрывности, есть лишь принятие динамики онтоза. В ней содержится отрицание неразрывности, страх быть поставленными под вопрос ею. Отказ от использования практики непосредственного подавления ставит ребёнка перед противоречием и заставляет его интенсивно переживать двусмысленность, раздвоенность. У него появляется ощущение, что его обманывают, мистифицируют, и он лишён возможности реагировать; это лишь на краткий момент блокирует разгул насилия, откладываемый во времени. Или же ребёнок наоборот становится аморфным, словно под воздействием анестезии.

Угнетатель оказывает своё активное воздействие, даже не осознавая его; он(-а) становится доминирующим, автономным. Он(-а) переигрывает то угнетение, что пережил(-а) сам(-а). Напротив, человек позволяющий всё оказывает реагирующее действие; он(-а) словно зависит от ребёнка. Он(-а) переигрывает зависимость в которой сам(-а) находился (находилась).

Подавление приводит к фиксации, торможению. Поэтому нормально, что люди, стремящиеся к освобождению, испытывают желание флюидизации. Тот факт, что капитал пребывает в этой динамике, обнажает его реабилитирующее измерение, и что через него вид стремился к освобождению, воображая, что благодаря ему он сможет избавиться от апории. Тот факт, что эта динамика флюидизации, текучести приводит к автономизации капитала, показывает, что речь должна идти не столько о том, чтобы жить в становлении, потоке жизни, сколько о том, чтобы прийти к модусу реального «бытия» нашего вида, а значит его позиционирования в космосе. Если нет, это точно так же может привести к экзальтации идеи движения ради движения. Вечность – это движение, и желание движения ради движения выдаёт желание вечности, но в онтозной форме. Ведь вечность не сводится к одному лишь движению. Желание движения как средства и цели служит препятствием для тех, кто им одержим, удерживая их в некоей отдельной модальности и лишая всех возможностей излучаться радиально.

То, что называют властью, конечно, на деле является властью, будучи выражением господства, как способности навязывать или ограничивать определённый образ жизни, бытия, поведения, что фактически происходит из власти, как способности расширяться, распространяться на человеческий мир, на всю природу. Она также является частью проявлений неразрывности между индивидами, а также между ними и природой. Эта неразрывность подразумевает сопереживание, любовь. Иными словами, в момент нарушения неразрывности появляются власть и любовь, которые, с этих пор, начинают автономизироваться и совращаться, что, в случае с властью, выражается в производной форме, о которой мы говорили. Нарушение неразрывности происходит из отчуждения вида от природы, это вовсе не краткий феномен, реализовавшийся раз и навсегда, это долгий процесс, который происходит постоянно, даже если, в некоторые эпохи, он характеризуется большой интенсивностью, а в нашу эпоху вообще кажется реализованным. Вследствие этого, совращение власти также реализуется в ходе долгого, постоянно возобновляемого процесса. Это происходит, потому что с тех пор как вид оставил целостное естественное развитие, женщины и мужчины воспитывают своих детей, т.е. дают им такой образ жизни, который становится искусственным по отношению к неразрывной связи с природой. Иными словами, виду приходится вырабатывать иной тип поведения. Но для реализации последнего, необходимо одновременно вводить ограничения, чтобы оставить путь естественности и одновременно подавить её, чтобы она не становилась препятствием для привитого совращения, чтобы избежать отрицания.

Здесь я могу отметить, что согласен с теорией М. Фуко: «Надо прекратить постоянно описывать власть в негативных терминах; что она “исключает”, “подавляет”, “вытесняет”; что она “контролирует”, “абстрагирует”, “маскирует”, “прячет”. На деле власть производит; она производит реальность сферы предметов и ритуалов истины. Индивид и знания о нём показывают это»⁹.

На мой взгляд, производя, власть заодно и угнетает, потому что не может производить из ничего. Творение *ex-nihilo* невозможно. Производство может осуществляться только путём подавления нормального и спонтанного развития; вот почему в этом случае можно использовать метафору прививки: власть пользуется подвоём, естественным бытием, для того чтобы породить бытие приручённое¹⁰, приспособленное к жизни в динамике, разворачивающейся по ту сторону естественности, в постоянно воспроизводимом искусственном мире¹¹. Уход от природы является в то же время открытием возможностей для творческой, производительной, технической деятельности вида. Но это открытие появляется не благодаря одному-единственному свершению, случающемуся раз и навсегда. Оно происходит медленно, в ходе становления *Homo sapiens* в различных манерах в зависимости от различных регионов, которые он обживает. В определённые моменты начинает казаться, что всё возможно, и вид считает, что он полностью реализовал свой уход от природы и достиг полной безопасности.

Сама власть, даже когда она автономизируется, не может отделаться от элемента, с которым она была интимно связана, пока ещё существовала неразрывность: с любовью. Любовь представляется как причинный элемент, позволяющий власти реализоваться, осуществляться. Власть, осуществляемая родителями и всеми теми, кто, так или иначе, переигрывает родительские действия, становится любовью к детям. Им навязывают становление вне природы, их ограничивают и подавляют для их же блага. Негативность и позитивность власти – это лишь видимость. Власть появляется одновременно с производством и подавлением. Увековечение производства необходимо для усовершенствования людей и достижения ими высшей стадии (динамика трансцендентности и вертикальности). Бесконечность подавления и невозможность его полного успеха являются неизбежным следствием невозможности достижения совершенства.

---

⁹ Мишель Фуко: «Надзирать и наказывать – Рождение тюрьмы», Изд. Gallimard, Paris, 1975, стр. 195-196

¹⁰ Рассказы о Големе, Франкенштейне, говорят о том, что человеческое бытие зародилось естественно, но было создано искусственно; это болезненное создание, преследующее память нашего вида, память, реактивирующуюся в каждом новом поколении.

¹¹ Как подчёркивает Франсуа Эвальд в своём комментарии-представлении книги «Надзирать и наказывать» в Словаре политических работ, Изд. PUF, Paris, 1986, стр. 236.

Уточним феномен: для того чтобы власть родителей производила прирученных детей, интегрируемых в искусственное становление вне природы, нужно создавать иные отношения таких типов как родители-дети, дети-дети, дети-природа, что является отклонением от гаптоэволюции. Их можно реализовать только путём подавления естественности ребёнка, что вызывает у него сильные страдания и порождает в нём динамику вытеснения, создающую т.н. бессознательное (мимоходом можно отметить, что именно власть создаёт бессознательное). Его содержание не ограничивается вытесненным, но, помимо всего прочего, содержит все возможности естественности, более или менее навязчиво преследующие индивида в течение всей его жизни. Утраченная естественность преследует человека, проявляясь в беспокоящей его неопределённости, в ностальгии и меланхолии.

Повторяющиеся действия власти равным образом производят сознание. Уже само утверждение динамики «это для твоего же блага» подразумевает, что родители знают, что именно необходимо для ребёнка, который сам абсолютно не осознаёт этого. Для того чтобы лучше осуществлять эту власть, появляется необходимость в закреплении этого сознания ради того чтобы осуществлять её ещё лучше и при этом причинять ребёнку как можно меньше страданий.

Родительская власть, доминирование и т.д., производительна, потому что должна давать что-то детям, доминируемым. В первом случае речь идёт о любви, утешении, заботах, кормлении. Отсюда пагубная природа дара. Ребёнок чувствует, что в подарке содержится интенциональность, причём скрытая, потому что чаще всего она является бессознательной. Он чувствует, что подарок действует в качестве звена, связывающего его с неким нежеланным становлением, и часто у него нет достаточной силы, чтобы отказаться.

Эта комплементарность равным образом проявляется в отношениях между мужчиной и женщиной, осуществляющихся на полюсе любви. Сила действует также и в любовных отношениях, в первую очередь, как утверждение каждого из элементов пары, в частных характеристиках их индивидуальностей, в самоутверждении необходимом для полного любовного наслаждения. Но в конечном итоге, в ходе переигрываний, эта сила становится ограничивающей властью, и любовь с этих пор осуществляется уже не как утверждение найденной неразрывности, но как дар тому, с кем находишься «в отношениях».

Невидимое становится основой становления вида с тех пор как он порывает с остальной природой. Невидимое – это нечто неподдающееся пониманию, нечто неразличимое, неопределённое, на деле, это подавление.

Вначале подавление осуществлялось общиной, потому что именно община, а не индивид отделилась от природы. Принесение в жертву члена общины ради её блага является действием, в котором явно выражается подавление, причём чаще всего это делается ради избавления от угрозы и чувства собственной безопасности. Это динамика очищения путём избавления от балласта,

порывания связи, создания пустоты. Общинное угнетение вызывало противостояние отдельной части общины, из-за которого она стала более хрупкой, что послужило её фрагментации и возникновению индивидов.

Кроме того, эта фрагментация происходила под влиянием воздействия одной общины на другую; а затем и первой формы государства, которая, в свою очередь, сменилась второй. Всё это относится к истории становления специоза, которым мы займёмся позже, а также его последствий. Отметим, что моментом фундаментальной значимости для нас является тот, в котором ребёнок начинает служить символом власти (когда нет уже топоса, общины, когда уже есть борьба между полами).

Е – Психическое измерение: онтоз и специоз

Мы должны принимать во внимание значимость подавления и вытеснения эмоций для становления вида. Мы уже упоминали специоз-онтоз в предыдущих параграфах, мы возвращаемся к нему, чтобы подчеркнуть его значимость для становления *Homo sapiens*, а также необходимость избавления от него для достижения *Homo Gemeinwesen*. Напомню, что это не какой-то определённый, хорошо очерченный феномен, проявляющийся в определённый момент, а процесс, в котором он вырабатывается; это реактивированный феномен, расширяющийся в каждом поколении, и, в случае с онтозом, действующий в изоморфной манере. Это происходит из-за того, что он связан с уходом от природы, которое также осуществляется в виде процесса. Тем не менее, его яркие стороны позволяют нам различать его.

Любая травма оказывает воздействие на то, что называют душой (психическое измерение) и на то, что называют телом (соматическое измерение). Она влияет на специоз-онтоз. Мы не можем сказать, что он затрагивает лишь психическое измерение вида, это было бы преуменьшением; психическое и соматическое измерения неразрывно связаны.

Можно сказать, что вид, или индивид, претерпевает травму, когда он, или она, не может интегрировать событие, нарушающее привычный порядок, и которое затем преследует её или его в течение веков или лет. Травму отличает тот факт, что травмирующее событие не влечёт за собой феномен компенсации, или же, в противоположном случае, этого феномена недостаточно. Это событие не обязательно является негативным, разрушительным, но оно не является также и позитивным, например, открытием или изобретением.

Изобретение иногда становится итогом долгого процесса, в течение которого реализуются и другие изобретения. Каждое из этих изобретений может стать причиной для более или менее значительной травмы, в то время как конечное изобретение вызывает фундаментальную травму. Таковым, например, было изобретение ноля, по крайней мере, на Западе. На мой взгляд, начало процесса, приведшего к его открытию, началось с производства «дыр как технических

средств»¹², начавшегося с игольного ушка семнадцать тысяч лет назад. Я должен добавить, что оно может быть ещё более древним, потому что дыры, проделанные в раковинах моллюсков, для того чтобы пропустить сквозь них тесьму и сделать ожерелья или браслеты, уже были техническими средствами, а их начали делать около семидесяти тысяч лет назад.

Но дыра может быть также и абстрагированной, т.е. её можно мыслить как таковую и в связи с другими объектами, что приводит к формированию пар, ушко-игла, ступка-пестик. Ещё один процесс абстрагирования, подразумевающий несколько иную техническую динамику, которая привела к колесу с его парой ступица-ось. Отсюда нельзя не предположить, из-за обобщения отношений между дырой и входящим в неё (или выходящим из неё) объектом, что люди могли провести аналогию с вульвой и появляющейся из неё головой ребёнка.

На мой взгляд, путём серии других абстрагирований, люди пришли к ноллю, миновав по ходу колесо. Речь идёт о представлении, об образе. Фактически, у майя, которые не производили колёс, но изобрели ноль, были чертежи колеса.

Ноль – это пустота, извлечённая из полноты. Не удивительно, что корень слова ноль в санскрите означает заодно пустоту и полноту, а у более современных математиков ноль представляет собой сумму пустоты, которая может фигурировать в качестве математического объекта. Ноль позволяет проводить множество операций, становясь главным действующим лицом вместе с единицей, цифрой, актуализирующей все остальные цифры.

Динамика полноты и пустоты, в которой ноль является ничем, выказывает свою большую функциональность в качестве важных поддержек для развития специоза, который мы раскроем в Возникновении Homo Gemeinwesen. Я лишь хочу указать на значение ноля и пустоты, как мощных факторов ограничения человеческой реальности и, следовательно, участвующих в подавлении, в осуществлении власти¹³. Не будем забывать, что подавление подразумевает чувство вины у ребёнка, а также аксиологию, с которой начинается движение стоимости, ценностей.

---

¹² Это не моё выражение; я позаимствовал его из радиопередачи, названия которой не помню.

¹³ «Но даже в подобном порядке абсолютных ценностей, некий народ, ещё до шумерцев, и тем более вавилонян, уже выражал это ощущение необъятности пространства, в котором человек обнаруживает свою ничтожность: месопотамские народы лишь перевели это ощущение необъятности пространства в страх перед божеством: “Божество, ошеломляющее как далёкие небеса, как огромное море”. » стр. 45.

Динамика редукции может привести даже к ненависти к самому себе, из-за того что являешься лишь самим собой. Но кто установил это? Это работа болезни вида (специоз-онтоз).

Значение специоза-онтоза ярко проявляется во взаимоотношениях между женщиной, мужчиной и ребёнком, в этой троичности (основе Троицы), подразумевающей общность, как мы её называем. Во введении к своей книге Материнский инстинкт (стр. XIX), которую мы цитировали выше, С.Б. Харди поднимает важные вопросы, на которые можно ответить, только если принимать во внимание специоз, определяемый динамикой ухода от природы.

1. «Что мы понимаем под “материнским инстинктом”? Не утратили ли его женщины?»
2. «Если женщины инстинктивно любят своих детей, почему многие из них во многих культурах в ходе истории прямо или косвенно содействовали их умерщвлению, например, кормя сына и обрекая на голод дочь?»
3. «В отличие от других крупных приматов, именно люди производят незащитное и несамостоятельное потомство, вплоть до того, что женщина в племенах собирателей – как у наших древних предков – не могла и надеяться на то, чтобы воспитать ребёнка в одиночку. И, тем не менее, тогда, как и сегодня, отцовская поддержка вовсе не была гарантированной. Почему естественный отбор не придал матерям средств достаточных для выращивания детей?»
4. «Если принять во внимание, что отцы и матери разделяют с детьми равное количество генов, почему отцы не эволюционировали до такой степени, при которой они были бы более внимательными к потребностям своих детей. Существует ли у самцов (как говорил Дарвин) “латентный инстинкт” заботы? Если да, когда он проявляется?»
5. «Перед лицом новорожденного, отцовские заботы переходят от заботы к равнодушию. Но тогда почему почти всех мужчин так интересуют способности женщин к воспроизводству?»
6. «Наконец, в чём субстанция детских нужд. Почему эти маленькие создания эволюционировали так, что стали пухленькими, милыми и вызывающими абсолютное обожание?»

Нельзя говорить, что женщины утратили материнский инстинкт, кроме тех случаев, когда онтоз женщины перерастает в безумие; но можно утверждать, что социальное развитие препятствует ему и, в настоящее время, стремится сделать его бесполезным благодаря тому, что общество принимает на себя материнские функции, не ограничивающиеся несколькими месяцами. Наконец, тенденция к достижению полного разрыва с природой стремится к уничтожению материнства (в рамках динамики освобождения женщины). Это чревато будущей травмой и во внимание не принимается пустота, которую в женщине породит отсутствие беременности и родов.

В ответ на второй вопрос можно задать несколько других вопросов, почему мужчины убивают себе подобных? Не утратили ли они инстинкт к жизни, который подсказывает, что нельзя убивать людей?

Перед тем, как перейти к 3 вопросу, я бы хотел отметить, что задаваемые вопросы показывают, что С. Б. Харди принимает нынешнюю социальную реальность как почти естественную данность, корни которой следует искать путём палеоантропологического анализа, который различил бы, что является естественным, а что культурным. Тем не менее, естественное и культурное не различаются автором, как два несвязанных, отдельных друг от друга феномена. Её восприятие поведения современных мужчин влияет на её представление об их поведении тысячи лет назад, когда ещё существовала общность. В те времена, помощь мужчин была действенной и обязательной.

Подробный анализ цитируемого текста позволил бы чётко установить тот факт, что специоз мог развиваться только на основе естественной данности, которая претерпела совращение. В том, что касается нашей текущей цели (обозначить важность феномена специоза), достаточно некоторых предыдущих замечаний. Всё это можно поднять в этюде о детях поскольку, на уровне гаптоэволюции, они играют решающую роль, как в наше время, когда появилась тенденция к избавлению от неё.

Специоз выполняет роль препятствия, тормоза, стопора; он блокирует человеческое становление. В наши дни на всём пространстве, на котором установился капиталистический способ производства можно предоставить каждому, каждой, определённую долю капитала, которая гарантирует их процесс жизни в данном обществе-общности. Иными словами, можно избавиться от нищеты, маргинализации, зависимости и выполнить обещания, которые особенно часто делались в период перехода к автоматизации. Те, кто их делал, могут перестать быть рассматриваемыми как просто блуждающие лжепророки. Но они рассуждают так же, как до них рассуждали марксистские революционеры, и даже анархисты, не принимая во внимание специоз. Избавление всего мира от зависимости должно столкнуться с феноменом специоза, подразумевающего наоборот её постоянное усиление, отсюда перманентность феномена, маргинализирующего массы людей; отсюда также существование огромных различий между людьми на социальном и экономическом уровне, иерархии, основанной на капитале и информации. Это подразумевает постановку под вопрос всех мер, способных улучшить условия жизни беднейших слоёв (исчезновение провиденциального государства). В то же время вид – из-за безумного роста населения – становится всё более зависимым от процессов материального и нематериального производства, заменившего ему природу. Этим он переигрывает угрозу истребления, что вынуждает маргинализованных людей искать спасения в сверхъестественном.

Анализируя исторические события двух последних веков, можно констатировать, что прошла прогрессистская фаза, во время которой не

исключалась эксплуатация рабочих, крестьян. Произошло улучшение условий жизни¹⁴. Иными словами, можно считать, что от XIX до XX века существовал благоприятный момент, *kairos*, которым не сумели воспользоваться. Это придало войне 14-18 гг. крайне катастрофическое измерение. Это было переигрывание катастрофы с измерением риска истребления, и оно маргинализировало массы людей.

Цикл катастроф может быть остановлен, только если вид полностью осознает свой специоз, через динамику ухода от этого мира и его предпосылок, необходимого для его распада.

Ф. Дополнения

Изучение языков, их происхождения (не исключая возможности их единого происхождения из одного источника, за которым последовала эволюция), обладает большим значением для понимания становления *Homo sapiens* и его психоза. В Евразии, являющейся центром нашего исследования, связанного с возникновением феномена капитала, работы Дж. Семерано о происхождении различных слов в т.н. индоевропейских языках из шумерского, аккадского и прочих не-индоевропейских языков Месопотамии являются фактом огромного интереса. С одной стороны, они позволяют вернуться в прошлое, с другой, они выводят на свет важные скрытые вещи. Для примера я приведу этимологию глаголов «быть» и «иметь» с одной стороны, и слов «секс» и «бесконечность» с другой.

«Формы, которые заставляют предполагать корень *es-, *s-, как в санскритском слове *asmi*, литовском *esmi*, древнеславянском *есми*, греческого *ἔσθι* (существовать), латинского *est*, фактически приводят нас к древнему языку, который можно считать отправной точкой, аккадское слово *isû(m)* (иметь), переходящий к функции связки «*est*» в текстах Эль-Амарны.

Но нам знакомо изначальное значение слова, «иметь»: это значение показывает то, что древнегреческая мысль обнаружила в результате поисков того, что наивно полагалось, например, пре-софистами, как атрибут ещё неразличимой субстанции; концепции качества и количества появились относительно поздно; не существует свойств или сил, неотличимых от субстанций. Жар, холод не являются свойствами изначально присущими предметам, но известны соответствующие им вещества, огонь, вода и т.д. Отсюда утверждение «огонь горячий», в античной мысли звучит как «огонь обладает жаром». Иероглифы игнорируют наше использование понятий «быть» и «иметь».

Также очевидно, что вербальная функция слова «быть» в греческом *ε-uai*, *ἔστι* (существовать) начинает обретать форму в древних семитских языках. В иврите

---

¹⁴ Ср. *La fin des terroirs- La modernisation de la France rurale* (Конец терруаров – Модернизация сельской Франции) Eugen Weber, Fayard: Editions Recherches, Paris, 1983.

есть слово, обладающее сильным содержанием: это *jes* (*esistenza, sostanza*, существование, субстанция). Формирование *ˆuta*, *ϕUta*, множественного числа от *ˆu* с его оригинальным значением существования, развивается из корня **es-* (быть), *ϕsti* (существовать), с суффиксом *-nt-* в смысле «присущий», «относящийся», что является смыслом аккадского слова *natû* (присущий), бытие (*l'ente*) – это нечто присущее существу, обладающему господством.

Дихотомия между «быть» и «иметь» обладает древним происхождением в двух хронологически различимых аспектах: *ϕOta*, у Гомера и Гесиода, к примеру, напоминает связку из текстов Эль-Амарны, в то время как *ˆuta* Анаксимандра, во мн. ч. *ϕOta*, существа, *eUu* Парменида подразумевают все существа в вечности, неподвижном “абсолютном бытии”, отрицающем отрицание, происходящем из корня аккадского слова *isû* (иметь), с семантическим ценностным смыслом санскритского *isé, iste* (обладающий, “являющийся господином, хозяином”))¹⁵.

Из всего этого мы можем заключить, что был исторический период, когда бытия и обладания не существовало; то есть, когда люди не отделяли себя от окружающего мира и позволяли ему осуществлять свой процесс жизни. Затем появилось разделение. Сначала глагол, означавший обладание обозначал собой тотальность, в которой участвуешь, а бытие означало нечто отделившееся, в то время как их связка позволяла восстановить неразрывность. Эта связка служила в качестве артикуляции. В какой-то мере, она позволяла указывать на приобретённое; поэтому «бытие» означало распределение. Это слово, происходящие от глагола «иметь» подразумевало отождествление обладателя с обладаемым; следовательно, оно также обозначало собственность. Обладание могло представлять субстанцию, а существование можно рассматривать как нечто исходящее из субстанции, рождённое.

С развитием земельной собственности, затем движения стоимости в горизонтальной динамике, существует лишь тот, кто обладает; тот, кто не обладает, не просто зависим (маргинализация), но даже не рассматривается как часть человечества. Он находится вне общества, основанного на обладании. Кроме того, тот, кто обладает, может давать существование, это хорошо видно в движении стоимости в вертикальной динамике. Чем большим количеством товаров обладает вождь – а после и «суверен» – тем больше он может присваивать существование, а также стоимость, потому что высшее единство, человеческое существование, приобретает посредством вещей.

Иными словами, человек может стать повелителем благодаря обладанию, а не бытию. Он становится таковым, потому что он обладает, потому что он имеет.

---

¹⁵ Джованни Семерано. цит. пр., стр.68-69

Первостепенное значение, придаваемое «бытию» по сравнению с «обладанием», происходит из того факта, что в бытии нет дальнейшего разделения, а значит редукции, потому что оно само в каком-то смысле происходит из разделения обладания, того, что можно разделить. Поэтому бытие, благодаря его «копулятивной» деятельности, может восстанавливать целостность, из которой оно происходит. Именно отсюда берёт начало бредовая динамика, стремящаяся к единству-глобальности, к слиянию, к ОДНОМУ. Онтологический дискурс подразумевает экзальтацию разделения, компенсируемого унитарной целостностью. «Бытие» обладает ролью отрицания фантазмов, поддержкой интенсивной угрозы, образовавшейся в процессе редукции, в этом своеобразном виде аннигиляции: это отрицание, которое вид поднял до фактора, управляющего сознанием.

Обесценивание обладания по отношению к бытию выказывает чувство вины человечества, связанное с феноменом разделения-лишения.

Сепаратистская концепция, более или менее сознательно экзальтирующая разделение, является действенной на всех уровнях, в т.ч. в отношениях между мужчиной и женщиной. Я бы добавил, что процесс жизни в данной динамике представляет собой огромную работу по преодолению различий. Дж. Семерано отрицает индоевропейскую этимологию слова *sexus* от *secare* (разделять) и утверждает, что это слово связано с другим очень древним словом, обладающим значением «искать глазами», следы которого можно обнаружить в различных языках, как в немецком слове *suchen* (искать). Кроме того, его анализ, так сказать, дополняется исследованием происхождения слова *·tegow*. «В истоках слова *·tegow* заключается желание любимого объекта, зарождающееся со всей интенсивностью при его виде. Слово обладает тем же источником, что и *êtag*, *âtag* (день), когда свет освещает зрачки: это соответствует аккадскому слову *imru* (желание, *vagheggiamento*, созерцание, видение), существительному от глагола *amàru* (видеть, познавать женщину)»¹⁶.

Обладать половыми признаками значит иметь возможность видеть другого в его отличии и способность «воспламеняться» желанием, позволяющим реализовать союз и, затем, передачу жизни.

Значение видимости в сексуальном процессе и в более общем смысле в процессе позиционирования обладает определяющим значением у приматов. У детей *Homo sapiens* любопытство в отношении половых органов и желание их видеть является частью необходимости позиционироваться через самопознание и познание другого в его отличии. Вуайеризм – это не сексуальный акт, а извращённая одержимость различиями полов.

---

¹⁶ Там же, стр. 189, основная и пр. цитаты.

Индоевропейская этимология соответствует реальности, в которой произошёл разрыв между полами, и появилась борьба между мужчинами и женщинами. Возможно, роль индоевропейцев была решающей в этом процессе.

В наше время разделение стало частью зрения (сила глаза частично характеризуется его способностью различать) до такой степени, что мы уже не смотрим, а различаем.

Что же касается этимологии слова *areion*, которое обычно переводят как бесконечность, Дж. Семерано даёт его не-индоевропейскую интерпретацию, выводя его из семитических языков (шумерский, арморианский, арамейский и т.д.). Он также говорит, что это слово происходит из семитского «'arar = пыль земля, из аккадского *eregi*» и сравнивает её с библейским 'afar¹⁷. *Areion* – это концепция, раздробленная Анаксимандром. Она обозначает фундаментальный элемент, из которого появляется всё остальное, как вода у Фалеса. Впрочем, этот *areion* кажется и тем, что остаётся, когда отливает вода. Это очень важно, если не забывать, что топомом является Месопотамия, где отошло море. Это была песчаная земля, земля пыли. Земля, как целое, сформированное из бесконечного количества частиц, подтверждала собой концепцию бесконечности. В какой-то мере концепция бесконечности подразумевает тотальность, способную представляться в форме множественности. Следовательно, концепция бесконечности подразумевает и тотальность, и множественность, обрётённую путём фрагментации, разделения, отчуждения. Это важная для понимания специоза-онтоза концепция, она подразумевает собой то, откуда всё порождается, производится, зачинается. Речь идёт об элементе, который, будучи тотальностью, может становиться основой субстанции, как множества, который может обозначать собой различные формы, модальности этой субстанции. Иными словами, *areion* относится к субстанции, а не к виду бытия, как бесконечность у Аристотеля. Тем не менее, ясно, что измерение множества могло стать основанием для концепции бесконечности, и что Аристотель мог сослаться на Анаксимандра, отвергая её. У меня такое ощущение, что изначально она обозначала связь субстанции и бытия и что главный вопрос это: откуда я происхожу (эссенция), из чего состою (субстанция)? Бытие присутствует в обоих случаях, индивид ещё не пребывает в состоянии разделения, хотя он его и уже пережил. Переход от концепции Анаксимандра к концепции Аристотеля подразумевает разрыв и свидетельствует об отделении от её месопотамского происхождения. Анаксимандр всё ещё находился в контакте с месопотамской цивилизацией, а Аристотель уже нет. У него концепция *areion* стала аберрантной, он воспользовался ей для выражения чего другого, отличного от того, что имел в виду Анаксимандр.

---

¹⁷ «Тот, кто недопонимает огромной однородности и культурной близости, которые в первом тысячелетии связывали Ионию с Месопотамией и огромными пространствами, послужившими фоном для библейской истории, не может осознать, что *eregiou* равнозначно библейскому *afar*, семитскому 'arar (пыль, земля), аккадскому *eregi*, греческому *ereios*, *reiros*». Там же, стр. 54.

Субстанция может быть выражением обладания и воля к превращению субстанции в субъект указывает на желание обрести участие в бытии.

Должен добавить, что язык является не только проводником познания людей, их мира, природы, космоса, но также страдания, связанного с процессом жизни, такой, как они её воспринимают, как они её переживают, в первую очередь бессознательно. Это страдание, неочевидно проявляющееся в выражениях восприятия, фактически производит такой вид познавательной деятельности, при котором окончательно смешиваются все данные, приобретённые в процессе познания. Эта динамика не ограничивается античным периодом, потому что она продолжается и в наши дни в более скрытой, тайной, завуалированной манере.

«Экзистенциальное значение «бытия», этих *~uta* Анаксимандра, т.е. существ обладающих жизнью и способных чувствовать благодаря высшей справедливости, которая будет их судить за допущенные ошибки, напоминает нам об экзистенциальном бытии Гамлетовского *to be* в его третьем монологе, где “быть или не быть” означает “жить или не жить”¹⁸.

В то же время справедливость, Дика, рождается из страдания от пережитой несправедливости, ограбления, и действует как агент исправления, восстановления гармонии. Но она не ставит под вопрос специозный процесс поскольку: «*Et Dfikh* у Анаксимандра, как и у Гераклита, сохраняет значение шумерского *di-ku5-gal* (верховный судья), вавилонского *diqugallu*»¹⁹.

Идея бесконечности, поддерживаемая образом пыли, праха, могла в определённом смысле послужить распространению и реализации одного желания: «Твоё потомство станет многочисленным как пылинки земные...» (Исход 28-14)²⁰, а также для обозначения умаления, незначительности, редукции человека, которому говорят, что он был рождён из праха и во прах вернётся (Исход). Фактически это «искажённое» утверждение Ксенофана: «Всё рождается из земли, и всё возвращается в землю»²¹. В библейской формуле таится неявно выраженное замешательство: человек, ты лишь пылинка во прахе из которого ты произошёл, и в который ты вернёшься.

* * *

В своей книге *La rivoluzione dimenticata* (Забывтая революция)²², Лучио Руссо защищает тезис, согласно которому наука, сравнимая с современной западной

---

¹⁸ Там же, стр. 69.

¹⁹ Там же, стр.. 35

²⁰ Дж. Семерано так переводит библейский текст: «Твоё потомство станет как ‘*afar*, пыль земли», цит.пр., стр. 49.

²¹ Там же, стр. 32.

²² Lucio Russo, *La rivoluzione dimenticata*, , Изд. Feltrinelli , Milano , 2001

наукой, развившейся в период Возрождения, уже существовала раньше в эллинистический период (от 323 г., со смерти Александра Македонского до примерно 144 г.). Для того чтобы объяснить огромное значение, которым, на мой взгляд, обладает эта книга, я должен уточнить своё определение науки и дать формулировку её возникновения. Это не отменяет необходимости наиболее верным способом отразить тезис Л. Руссо о различных теоретических подходах к науке и революции, которые скрыты в самом названии книги.

Наука появилась в своё время как новый образ жизни, а не просто как новый способ познания. Это объясняет её экспансионистский характер, т.е. её тенденцию заполнять собой все сферы человеческой деятельности.

Она возникает тогда, когда западное общество начинает избавляться от власти сверхъестественного, что связано, в частности, с антропоморфозом труда и зарождением гуманизма, когда люди начинают опираться в своём развитии не на сверхъестественное, а на природу и человеческий мир. Следовательно, она с самого начала подразумевает (в потенциале) иной вид поведения вида направленный на решение проблем его жизненного процесса, а, значит, на его отношения с природой, космосом и с себе подобными. Это подразумевает иную ориентацию процесса познания и иную модель его функционирования.

Вид, конечно же, как я уже говорил, начинает опираться на природу, но на ту природу, от которой он отделяется всё больше и больше, так же как и от собственной естественности²³. Отсюда переигрывание: вид, отделяясь от остальной природы, выбирает её в качестве точки опоры для своего познавательного и практического развития, как некогда в самом начале процесса разделения, он обрёл её в сверхъестественном. Переигрывания будут снова повторяться в той мере, в какой люди, в первую очередь на Западе, будут считать, что смогут, благодаря науке стать «хозяевами и собственниками» природы; т.е. стать господствующим видом.

Он становится союзом эпистемы²⁴ и практики. Эпистема появилась вместе с математикой и логикой, а значит, находится в определённой связи с философией. В том, что касается практики, эксперимента, она связана с искусствами в общем, то есть с такими как изобразительное искусство, к примеру, или механические искусства, а также с возникновением нового человеческого типажа, инженера, как проявлением антропоморфоза труда,

---

²³ В этимологии слова наука содержится также идея отсутствия. Наука происходит от «scientia “познание”, особенно “научное познание” (...) Scientia происходит от sciens причастие настоящего времени от scire (...) Scire возможно происходит от слов “разрешать” и потом “решать”; в других европейских языках нет эквивалента». Le Robert Исторический словарь французского языка.

Благодаря личному опыту можно добиться решения, разрешения спора. Этимология предоставляет ещё один аргумент, подтверждающий, что наука изначально зародилась на Западе.

²⁴ В Глоссарии можно найти её определение: то, что позволяет организовывать знание в познавательный телос. Размышление о знании для того чтобы определить его ценность, эффективность.

подразумевающего, что именно через труд, через способность использовать технику с обращением к теоретическому знанию, самоутверждается человек.

В генезисе науки участвовала воля компенсировать утраченные способности, обходиться без женщин (David F.Noble), но также воля выйти из неуверенности (или даже основать новую уверенность: экспериментируют, потому что сомневаются!), от онтоза (бремя аффектов), от господства сверхъестественного (отказ от божеств, от оккультных существ, от бога и т.д.) и достичь реальности; воля выйти из тупика, а значит воля к предприимчивости (изоморфность между опытом и предпринимательством, подчёркивающая изоморфность между наукой и основами капитала; сила труда, которую можно сравнить с силой эксперимента), решить, разрешить (учёный как предприниматель, затем менеджер, решающее лицо), ввести новшества, продемонстрировать некую избранность, спасение (что приводит к путанице между генезисом, который можно осознать, анализируя отношения между наукой и католицизмом, а также между наукой и протестантством), воля продемонстрировать превосходство христианства над всеми другими религиями (в первую очередь над исламом), наконец воля к освобождению (марксисты, анархисты и т.д.). В последнем случае, наука предстаёт в качестве нового способа поведения человечества, который подготовила буржуазия, например, у Локка, утверждавшего свою волю к использованию ньютоновского метода в политике.

Короче говоря, нельзя отделить возникновение от науки от возникновения капитала, причём последний очевидно полностью поглощает первую.

Поскольку здесь невозможно рассмотреть в деталях вопросы, поднятые тезисом Лучио Руссо в отношении забытой революции, я ограничусь тем, что обозначу темы, которые будут рассмотрены в главе о капитале: наука является родственницей двух разных «наук». Для этого утверждения у нас имеется твёрдый аргумент. Впоследствии мы перейдём к изучению социального развития между эллинистическим периодом и периодом развития капитализма в Европе и США. На эту тему Л. Руссо также даёт ясные указания. Однако мы настаиваем на нашем тезисе о распаде полисов и формировании новых городов и, тем более, на феномене автономизации стоимости и причинах её распространения. Очень важным представляется также анализ эволюции отношений между полами в эллинистический период.

Следует также проанализировать большое число важных утверждений, подрывающих устои официального знания, такие как знание греков о ноле, которое пришло к ним из Месопотамии, или отсутствие неразрывности между греческой и римской цивилизациями, отсутствие связи, в частности, из-за эллинистического периода. Тем не менее, я ограничусь спорным утверждением, которое может скрывать факт центральной важности. Л. Руссо часто говорит о

вытеснении, когда пишет об эллинистической науке²⁵. Но вытеснение, будучи бессознательным процессом, может выявиться только благодаря поднятиям вытеснения. Одно из них, о котором пойдёт речь далее, соответствует периоду Возрождения, как возрождения науки. Но нельзя ограничиваться только им. В XII веке, происходил схожий феномен, хотя и с меньшим размахом. С другой стороны, расцвет познания научного типа в мусульманском регионе в предыдущий период, его продолжение в Персии и Индии после эллинистической эпохи показывают, что на Западе происходило сокрытие этого знания, а не вытеснение. Однако то, что могло быть вытеснено, стало мерой естественности, способности людей познавать то, что их окружает, близкое и далёкое, и обходиться без сверхъестественных существ.

Само становление науки может служить аргументом в пользу этой гипотезы. Л.Руссо показывает, что, начиная с эллинистического периода науку заполнили и присвоили себе пропагандисты иррациональных концепций, связанных с оккультизмом, спиритуализмом, и утверждает, что астрология и химия берут начало в научных знаниях того времени и, наконец, он также показывает, что схожий феномен действует и в нашу эпоху. Но, на мой взгляд, к этому следует добавить, что «науку» всё больше и больше заменяют «исследования». Иными словами, от первой остаётся лишь поиск, уже начатый более двух тысяч лет назад: поиск естественности вида.

* * *

После 1990-го, в различных частях земного шара были обнаружены многочисленные виды *Номо*. Если они и вносят уточнения в становление *Номо Gemeinwesen*, они не ставят под сомнение схему, принятую нами. Они позволяют релятивизировать теорию И. Коппенса, когда ставят обретение вертикального положения (речь идёт о двуногости) в зависимость от убывания леса, связанного с появлением Африканской впадины. Подобная концепция заставляет становление живых существ полностью зависеть от окружающей среды. Обретение вертикального положения, следствием которого стало развитие хватательного движения, было внутренней необходимостью феномена жизни класса позвоночных. «Воля» живых существ, утверждаем мы, участвовала в реализацию этой способности.

Было обнаружено большое количество мест, в которых равным образом мощно реализовывалась эстетическая деятельность *Номо sapiens*. Исследования на тему данной деятельности представляют огромный интерес. Я бы упомянул, в частности, Шаманов предыстории – Транс и магию в орнаментированных пещерах Жана Клотта и Давида Льюиса-Уильямса, Изд. Seuil, Париж, 1996.

---

²⁵ «Вытеснение научной революции», стр. 21. «Несомненно феномен, который мы называем «вытеснением» является глубоким феноменом нашей культуры. В действительности мы не только не можем прочитать клинописные таблички, но мы с большим трудом находим также и рукописи эллинистического периода».

Они выдвигают интересный тезис, который может стать вкладом в исследование того, как вид представлял себе свой уход от природы и чувство обречённости, которое он вызвал у него в его отношениях с миром других живых существ.

Открытие в 2001-2002 гг., на Юго-Востоке Ирана, в провинции Керман, регион Джирофт, древней цивилизации, чей возраст насчитывает более 5 000 лет, как пишет Пьер Бартеlemi в *le Monde* от 03 октября 2003, обладает огромным значением. Оно показывает нам, что феномен, происходивший в Месопотамии, обладал тенденцией к реализации на более обширном пространстве. Возможно, будут найдены и другие регионы, в которых он происходил. Представляется достоверным, что происходила синергия эволюции на территории современных Ирана и Ирака, обладавшей важными связями с Турцией и, через Сирию и Палестину, с Египтом с одной стороны, и с Индией с другой стороны.

Некоторые открытия в биологии также обладают огромным значением, потому что они ставят под вопрос догмы, чьи физические основания не совсем ясны. Точно так же важно открытие штаммовых клеток у млекопитающих и, следовательно, у *Homo sapiens*. Что помешало признать их возможное существование, несмотря на их центральную роль в процессе жизни? Точно так же способность нейронов к размножению всегда казалась мне отрицанием очевидного. Напротив, открытие вмешательств РНК напрямую ставит под вопрос официальную теорию наследственности, отрицающую передачу приобретённых характеристик. К ней практикуется медицинский подход, но при этом скрывается роль «вмешательства», которой РНК в любом случае обладает по отношению к видоизменениям характеристик, а значит и к их перманентного воздействию на ДНК (способность нейтрализовать, ликвидировать, или «усыплять» гены, согласно *Le Monde* от 13 августа 2002).

Все рассуждения на тему открытия исчезновения Y-хромосомы у *Homo sapiens* относятся, в первую очередь, к сфере идеологии, призраков и страхов. В данный момент, когда патриархат исчез, слабость Y-хромосомы и возможность её утраты позволяют объяснить его исчезновение, дать объяснение слабости современного человека перед богом. Всё это представляется хитросплетением процесса познания и болезни вида, специоза, точно так же, как и в случае с теорией о преобладании одного из полушарий мозга над другим, представленном как абсолютно необходимый факт природы, в то время как на самом деле оно является плодом угнетения. Последнее требует иерархии (подавлять значит устанавливать иерархию) и внешней точки опоры (высшую точку иерархии), которую «мозги» мужчин и женщин находят в сверхъестественном.

G - Уточнения

Растущая утрата участия и непосредственности привела вид *Homo sapiens* к поиску протезов, к искусственному позиционированию, к поиску знаний

о собственном происхождении и смысле. В этих целях он обратился к двум ключевым концепциям: к пространству и времени, как к незаменимым основам представлений вида – это было прекрасно продемонстрировано Андре Леруа-Гураном.

«Человек может думать о себе только соотносясь с временем и пространством: палеонтология и космология – это намного больше, чем просто науки, это питательная среда для сознания и отправной пункт мифологии».

«Из этого вытекает, что наука о существах прошлого, по своей функции, является мифологией, потому что она заменяет собой системы, объясняющие происхождение жизни, которые у всех цивилизаций отвечали потребности в знании о самих себе и о первопричинах существования».

«Все науки о том “Кто я? и Где я” на деле играют такую же центральную роль, как мифология»²⁶.

На деле это было бессознательное исследование нарушения взаимосвязи и поиск утраченной неразрывности, из которой появился *Homo sapiens*. Это предприятие превратилось в долгий и, подчас, коварный процесс. Поиск собственных корней заключается в попытке «переноса» результата на определённый момент, с которого всё началось.

Поиск собственного происхождения, корней полон затруднений и неясности – будучи, в то же время, попыткой их преодоления – в этом отдаёшь себе отчёт, когда читаешь Введение к недавней книге *«О происхождении человечества»*: *«Данная книга посвящена происхождению человека, а значит является частью истории жизни. Но что мы имеем в виду под “происхождением”? Речь идёт о различных этапах долгой серии событий, происходивших в течение нескольких тысяч лет. До происхождения современного человека, было уже происхождение человеческого вида; ещё раньше, происхождение человеческой линии, отделившейся от шимпанзе, а ещё раньше от обезьян и приматов и т.д.».*

К тому же нет единого происхождения, есть различные корни, и каждый представляет собой случайный процесс. Какая может быть общая связь между ними? Включает ли она в себя элемент случайности? С другой стороны, происходит замена Человека (*Homo sapiens*), как определённого существа, неким количественным фактором, человечеством, которое возводят до идеальной

---

²⁶ Андре Леруа-Гуран, «Живая механика – Черепа позвоночных, от рыбы до человека, изд. Fayard, Париж, 1983 г., стр. 7, 9 et 13 соответственно.

сущности. Сущность эта не ограничивается «современным человеком»; предполагается, что она существует ещё до расселения по всей земле.

Поиск истоков подразумевает не просто поиск опоры в некоем определённом моменте эволюции живых существ, а именно в первых проявлениях существа, которое можно назвать Человеком, но также одновременное доказательство наших отличий от животных, особенно от приматов, самых близких к нам существ, вот почему основополагающим принципом этого поиска является инвентаризация причин, послуживших появлению данных отличий, даже если такие причины удаётся установить лишь по воле случая. Исследования нашего происхождения не исчерпываются поисками начал. Этот «присущий человеку» поиск, выказывает стремление к упорядочению представлений, к отделению от царства животных. В этом всеобъемлющем поиске прекрасно отражается видовой психоз в его измерениях неуверенности, незащитности, неспособности найти своё подлинное место в процессе жизни. Второй том книги *О происхождении человечества* посвящён как раз данной теме. На самом деле данные исследования в первую очередь свидетельствуют, что не существует ничего исключительно человеческого за пределами «самопознания» и «духовности», встречающейся в поверьях различных народов с незапамятных времён. Тем не менее, вслед за утверждениями Пико делла Мирандолы, считавшего Человека средоточием всех вещей, эти исследования точно так же подразумевают наличие человеческих качеств в каждой из таких вещей, как раз к такому выводу приходят авторы данной книги.

Существа, поражённые онтозом, прибегают к технике исключения, чтобы домысливать обоснования для собственного происхождения. Поэтому они исключают остальные живые существа кроме человека²⁷ из поля развития хватательной техники, вертикального положения и прямохождения, мышления. Но все эти эволюционные скачки рассматриваются как необходимые в лоне жизненного процесса и относятся далеко не только к линии Номо. Соответственно, рано или поздно, благодаря различным открытиям, как мы уже убедились, мы всё равно вдруг узнаём, что данная динамика исключения вновь под вопросом, и это выражается в т.ч. в моде на тему совместной эволюции. Она служит свидетельством взаимоотношений не только между двумя видами, или даже между группами видов. Речь идёт уже о едином целом живого мира,

---

²⁷ Тем самым осуществляется их исключение из природы. Это подтверждает иными словами Элизабет де Фонтенэ в книге «Le progrès de l'Homme»: Экспроприация: как человек был исключен из природы. В то же время говорить об «экспроприации» подразумевает, на мой взгляд, роль потерпевшего. Но кто его экспроприировал? Если он сам, то надо было написать «самоэкспроприация». Вот почему, по-моему, этот термин звучит как оксюморон.

биосферы, эволюционирующей одновременно повсюду, и, можно добавить, что эта совместная эволюция неразрывно связана со становлением воздействующей на неё планеты, точно так же, как сама планета связана с воздействующей на неё биосферой. Все живые существа живут, в целом, среди других живых существ, формирующих их среду обитания, и отношения зависимости между ними являются взаимными, хотя и не симметричными. Тем не менее, окружающая среда состоит также из органических неживых существ, таких как воздух и вода. Всё это элементы среды, способной к действенному отбору, но нельзя забывать, что живые существа, как это неоднократно подтверждали другие авторы, обладают идентичной тенденцией к выбору собственной среды обитания; а это, на мой взгляд, сигнализирует о значимости вмешательства их сознательной и бессознательной воли в процесс эволюции.

Концепция возникновения, порой подменяющая собой концепцию происхождения, включает в себя факторы непредвиденного, случайного, и связана, в определённой мере, с нарушением прежних неразрывных связей. Концепция возникновения, как поддержка в неблагоприятный момент, в целом переживаемый как нечто, ставящее существование под вопрос, позволяет людям утверждать свою спонтанность.

Для меня концепция возникновения неотделима от идей спонтанного появления, более или менее непрерывного становления, как, например, в случае с горной цепью. Возникновение – это процесс в ходе которого в лоне любого данного континуума, в течение более или менее длительного периода, появляются новые формы жизни, не обязательно полностью оторванные от форм, из которых они возникли. Изучение возникновения *Homo sapiens*, и затем *Homo Gemeinwesen*, подразумевает принятие и способность интегрировать спонтанные данные, проявляющиеся в ходе их эволюции²⁸. Именно в исследованиях «присущего человеку» наблюдается больше всего путаницы. Мне бы хотелось это продемонстрировать, отталкиваясь от четырёх феноменов, рассматриваемых большинством как характерные для нашего вида: ювенализация, зачастую ведущая к неотении, преждевременная зрелость,

---

²⁸ Вопросам возникновения был посвящён внесерийный номер журнала «Science et Avenir», n° 143, за июль-август 2005 г.: «Загадка возникновения». Под этим заголовком содержится следующее «программное содержание»: Как понимать единовременное, спонтанное возникновение новых форм без каких-либо ссылок на некий подспудный порядок или на скрытую силу? Тем не менее, в том, что касается живых существ, в данных исследованиях не учитывается деятельность живых существ, которую нельзя свести к генетическому детерминизму, наподобие интегрированной в организм автоматики, или к воздействию внешней среды, наподобие внешней автоматики. В семействе *Homo*, воля, проявляющаяся как на уровне вида, так и на уровне индивидуальности, представляет собой мощный фактор эволюции и «предопределяет» всё, что нам кажется спонтанным: возникающую данность. Наконец, отметим, что в данном номере равным образом упоминается концепция случайного появления, ещё более чётко содержащая в себе идею непредвиденного.

отсутствие специализации и живучесть детства (внутренний ребёнок), особенно у гениев.

Концепция неотении подразумевает существование экстенсивного процесса внедрения нововведений. Тем не менее, этот процесс не исчерпывает всего означаемого при его использовании. На деле речь идёт о биологическом процессе преждевременного наступления половой зрелости на раннем, недоразвитом, личиночном этапе²⁹. Парадигматическим примером может служить пара аксолотль-амбистомы (и такие амфибии, как жабы, лягушки, тритоны, ящерицы). Аксолотль – водное животное, считалось, что у него нет ничего общего с амбистомой, как с земным животным. Но в XIX° веке, в Национальном музее естественной истории в Париже, было зарегистрировано превращение аксолотля в амбистому. С тех пор аксолотля стали считать личиночной стадией развития амбистомы, представлявшейся завершённым, конечным существом эволюции, воплотившим в себе все возможности своего вида. Было установлено, что метаморфоза была связана с присутствием в среде йода, что доказало решающую роль щитовидной железы в процессе морфогенеза.

Важно отметить, что благодаря метаморфозам появляется доступ к новой среде. Этот феномен весьма распространён среди членистоногих (позвоночных с панцирем из хитина и выраженными лапами), но также среди других групп животных. Открывается две возможности. С одной стороны, возможна концентрация развития с потерей первоначального состояния (т.е. последнего из них); животные обретают половую зрелость на предыдущей стадии, что открывает перед ними возможности и функциональность морфогенеза. С другой стороны, животное может достичь новой стадии, и его половая зрелость проявится именно на ней. В первом случае речь может идти о возвращении в ранее оставленную среду (в воду), во втором случае, речь идёт о получении доступа к воздушной среде. Поведение аксолотля-амбистомы с этой

---

²⁹ «Под названием педогенез, неотения или прогенез обычно имеется в виду аномалия в развитии, связанная с наступлением половой зрелости у особи в личиночной стадии, либо, схожим образом, с сохранением личиночных характеристик в организме, достигшем половой зрелости. Можно сказать, что педогенез связан с преждевременным развитием (гетерохрония) зародышевой ткани по сравнению с телом, последние этапы развития которого были заторможены. Сохранение личиночной организации способно воздействовать на отдельные части тела (“частичная неотения”)». M. Abeloos, *Les métamorphoses*, изд. A. Colin, Paris, 1956, стр. 185.

Теория фетализации Луи Болка вместо неотении рассматривает ювенализацию, которая представляется феноменом, объединяющим обе тенденции.

точки зрения выглядит более сложным в том смысле, что момент половой зрелости у обоих может содержать в себе весь потенциал их вида. Нельзя называть аксолотля несовершенным животным, стоящим на более низкой ступени развития, лишь из-за последствий, вызванных неотенией.

Неотения может быть обязательной, непредвиденной, случайной, вызванной пертурбациями среди населения, или климатическими изменениями. В любом случае решающим является фактор появления сексуальности. Наиболее красноречивым является пример бонеллии, морского червя. Самец бонеллии по факту живёт в генитальной промежности самки; это могло произойти только из-за крайне преждевременного наступления половой зрелости.

В случае с *Homo sapiens* наблюдается ювенализация, но не отмечается преждевременного наступления половой зрелости, хотя некоторые теоретики утверждают, что подобная тенденция может проявляться в возрасте около пяти лет; это подразумевало бы исчезновение феномена неотении. По сути, ювенализация характеризуется запозданием в наступлении половой зрелости, что фактически продлевает стадию «молодости». Ювенализация означает не достижение половой зрелости в более юном возрасте, а продление периода юности. В этом смысле можно считать, что раннее наступление пубертантного возраста выражает собой регресс в развитии вида. Этот регресс может быть связан с общим психическим расстройством вида (специоз-онтоз), вызванным родительским подавлением, из-за которого дети, ради бегства от вызванных им страданий, стремятся как можно раньше достичь этапа взрослой жизни, начать воспроизводиться и... воспроизводить те же самые страдания.

При зарождении теории неотении проводилось множество сравнений с человекообразными обезьянами (гориллами, шимпанзе и т.д.), т.е. с наиболее близкими к *Homo sapiens* животными. Но для обоснования наличия неотении у таких животных, необходимо было отталкиваться от их более раннего появления. Оно доказано не было. Судя по всему, различия между нами появились уже в процессе общего становления, при совершенствовании хватательной техники, спровоцировавшей анатомические преобразования, к примеру, на уровне черепной коробки, причём у человеческой линии данные преобразования происходили наряду с обретением прямохождения, в то время как шимпанзе и,

особенно, гориллы, продолжали перемещаться с помощью рук. У горилл брахиация особенно выражена, потому что они не проводят всю жизнь на деревьях, а значит не являются брахиаторами в полном смысле этого термина, скорее их положение при перемещении можно назвать полусогнутым.

Т.н. неотенией у людей объясняют их зависимое положение в детстве и даже после него. Ничто не указывает на то, что вид, подверженный неотении, ниже по развитию, чем другой вид. На деле здесь происходит путаница с преждевременным наступлением зрелости, рассматриваемым в теории, как положение практической зависимости, неполноценности. Преждевременное развитие человеческого дитя не подразумевает органической неполноценности, и ни в коем случае не означает невозможности достижения завершённой стадии развития³⁰ благодаря тому, что я называю гаптобеременностью, требующей, в свою очередь, развития в лоне общины для своей реализации. Запаздывание развития у ребенка зачастую переходит в запаздывание развития у взрослого. Именно в этом следует искать истоки теории совершенства, которое никогда не наступает, на деле, согласно данной теории, жизнь должна проходить в постоянных попытках его достижения. А. Адлер является ярким представителем данной теории, равно как и теорий о потребности в компенсации и вымысле. В этом заключаются основы психического расстройства вида, онтоза: зависимость и компенсация, обусловленные нарушением некогда неразрывной связи с окружающим миром.

В этой теории полностью замалчивается роль ребенка в становлении вида. А ведь именно взаимодействие между ребенком и родителями хранит в себе наглядное общинное, коммунитарное измерение человеческой жизни, представляющее собой основную эволюционную силу нашего вида.

Путаница вновь проявляется в теории об отсутствии специализации у *Homo sapiens*, опять же подразумевающей его неполноценность, его «неопределённую природу», если угодно, даже «отсутствие собственной природы» у данного вида. Можно сказать, как и в двух предыдущих случаях, что это вид опоры, выражающей незнание видом самого себя, его неуверенность,

---

³⁰ «Завершение» развития является не лучшим термином, т.к. заставляет предположить некую конечную цель в реализации и вынужденный перерыв по отношению к дальнейшему продолжению развития.

преследующие его травмы, порождённые обретением мышления, вербальной речи, помимо прочего. В седентаризации крылся адаптативный процесс, который лишь недавно вывели на свет учёные: возможность быстро бежать на определённой скорости была малодоступна для многих других существ. Она позволяла *Homo sapiens* питаться падалью, или охотиться, долгое время преследуя добычу. Эта адаптация в наше время всплывает в моде на джоггинг и марафоны на 100 км. Следует отметить, что в последнем случае для поддержания такого усилия требуется поддержка головного мозга; продолжительность бега связана с сильнейшей нервной энергией и с мощной интеллектуальной способностью представлять мир и заимствовать свои представления из него, как из источника комплементарной энергии. В среднем люди способны пробежать до 50 км в день, именно благодаря этому в далёком прошлом происходили столь широкомасштабные миграции.

При категорических утверждениях о некоей специфической непригодности *Homo sapiens* замалчивается его приспособленность к хватательной технике и, я бы добавил, к манипуляциям. На деле, хватательная техника не является какой-то привилегией, она очень широко распространена у всех приматов; ручные манипуляции, возможно, в меньшей степени, но главным и решающим органом остаётся рука. Она позволяет не только хватать и, соответственно, удерживать контакт с важными предметами, или с живыми существами, но и менять положение предметов, для того чтобы изменять их использование. В итоге это приводит к производству орудий. Тем не менее, возможности руки не были полностью исследованы до крупного скачка в развитии головного мозга и появления воображения.

Хватать, ловить, понимать: таков генезис мысли. Соответственно игнорировать значение хватательной техники, значит игнорировать значение мышления.

Скажем больше: тот факт, что наш вид не привязан, так сказать, к какой-то одной адаптативной технике, открыл перед ним множество различных перспектив. Если полностью принять идею об отсутствии специализации, на деле, из неё ни в коем случае не вытекает утверждения о какой-либо неполноценности вида. Отсутствие специализации позволяет не стоять на месте,

избегать любой блокировки возможностей, любого торможения, в ходе его развития. Если это и происходит, то не по естественным причинам, а из-за психического расстройства вида. Можно утверждать, что отсутствие специализации является незаменимым условием для возникновения мышления. Свобода от фиксации позволяет обрести понимание феноменов вне себя, сбросить с себя все ограничения. Отнюдь не случайность, поэтому, что Homo sapiens производит капитал, и отказ от него даётся ему с трудом. Как я уже указывал в книге *Capital et Gemeinwesen* (основанной на работах К.Маркса), капитал избегает любых ограничений, свободен от всякой зависимости. Можно считать его чем-то вроде материализации человеческого проекта, попыткой самопредставления, самопознания. Тем более, что капитал стал результатом опосредованного становления (срединный путь) между природой и сверхъестественными силами; становление, чьи предпосылки легко распознать в феномене стоимости и политики, которая, изначально, была практическим измерением философии³¹. Точно так же следует трактовать отношения между буржуазными революциями, способствовавшими уходу вида от подчиненного положения в природе, от зависимости, при параллельном развитии капитала, особенно в конце XVIII° века.

Тенденция к освобождению от всех ограничений породила феномен бегства капитала от своих собственных предпосылок, привела к его антропоморфозу и автономизации его формы, с дальнейшим растворением в виртуальности. Схожим образом Homo sapiens ставит под вопрос всё, что в нём осталось от его естественного измерения, всё чаще выражая стремление к размножению *in vitro* (через искусственное оплодотворение), к изменению собственного тела через косметическую хирургию, к активному использованию в жизни различных протезов, вплоть до т.н. нанотехнологии. Всё это вместе с безграничной мегаломанией, связанной с автономизацией, ведёт к бесконечному бегству с бредовой идеей покорения космоса (это бред по отношению ко всему, что, по его мнению, создаёт условия для его зависимого положения и поддерживает их).

---

³¹ В Древней Греции, во время формирования полиса, обозначилась традиция представлять мир посередине между природой и сверхъестественными силами, причём оба эти полюса утрачивали значение, и предпринимались попытки к освобождению от них.

Реализация определенных функций не зависит полностью от каких-либо адаптивных техник, появляющихся в каждой данной среде в результате естественного отбора, поскольку значением обладает как раз их функциональность в такой среде, как в случае с хватательной техникой, связанной с прямохождением. Это придавало бы адаптивной технике характер зависимости и неподвижности, что, в свою очередь, скрывало бы существование её самой, и приводило бы к утверждениям об отсутствии у человека адаптивной техники.

Мышление можно считать мощнейшей техникой адаптации к присутствию в этом мире и к самим себе. Мышление таит в себе predetermined отказ от неподвижности, инертности, вызванной средой, как её собственным субъектом и источником представлений. Именно оно придаёт нам последовательную связь с окружающим миром и принадлежность к вечности. Благодаря мышлению мы не утрачиваем ничего из событий нашего становления, из всей общности живых существ. Точно так же в эволюционной линии, приводящей к позвоночным, а от них, к приматам и т.д., присутствует симметрия излучения (важный момент у простейших, у кишечно-полостных, у иглокожих), и зачатки двусторонней симметрии; стимул к повторению, за которым следует возврат к предыдущей форме, фактически вызывает у Homo sapiens стремление к новому поиску этой симметрии. Благодаря мышлению, это стремление не растворяется в коллективном психозе, зародившемся из-за боли утрат и отсутствия, хотя оно и воспроизводится в лоне специоза, потому что мы непосредственно переживаем эту симметрию и наслаждаемся ей, в первую очередь через реализацию процесса мышления, во всём его излучении, а не просто в линейной форме, затем через изобретения, такие как колесо, оказавшее столь сильное влияние на людей, через различные ритуалы, такие как мандала, через искусство, но также через привилегированный статус круга, сферы, не забывая о поклонении солнцу или луне.

Теория о сохранении в нас внутреннего ребёнка, которая приобрела столь важное значение в различных спиритуалистических и терапевтических течениях, равным образом присутствует у различных философов и находит отклик у множества людей, потому что её поддерживает присущий всем нам феномен: блокада и вытеснение естества у каждой личности. На уровне

философии, как и науки, для которой данная теория становится всё более приемлемой, за основу принимается неотения и, в каком-то смысле, также преждевременное созревание ребенка; эти факты используют для объяснения гениальности: именно внутренний ребенок ищет самовыражения у гениев.

Путаница между понятиями ювенализации, преждевременного созревания, отсутствия специализации и внутреннего ребенка, берет начало в подавлении, которое претерпевает в детстве каждый мужчина и каждая женщина, порождающем навязчивое и иррациональное измерение в их жизни. Состояние покинутости, переживаемое ребенком, в итоге приводит взрослого к дискредитации, к отрицанию силы человечества, рассматриваемого как неразвитый, неприспособленный, неудачный, слабоумный вид. Иные же в результате компенсаторных манипуляций, напротив, трактуют *Homo sapiens*, как совершенное существо, от которого происходят все животные³².

Утверждение о том, что поиск собственного происхождения состоит из самопознания может показаться трюизмом, но это не преуменьшает его первостепенного значения. Именно на этом пути к познанию вида, личности, мы обязательно сталкиваемся с подавлением. "Понять себя" значит избавиться от динамики подавления и вражды (как внутри вида, так и по отношению к другим видам). В процессе самопознания наш вид может вновь обрести непосредственность, присущие ему характеристики, восстановить разорванную связь с окружающим миром и своё участие в нём; мы могли бы избавиться от представлений о сверхъестественном через всестороннее развитие силы излучения нашей мысли, признав за ней всю её колоссальную эффективность в самых разных сферах царства жизни. Это не подразумевало бы "производства" так называемой ноосферы. В основе теории о ноосфере лежит разделение между людьми и самой этой сферой, от которой они, якобы, находятся в зависимости, потому что именно она, согласно данной гипотезе, порождает и формирует человечество во всех его основных измерениях. Значит, данная теория всё ещё сохраняет в себе определённое отчуждение. Сила мысли заключается как раз в неразрывной взаимосвязи всего живого мира, спонтанным или рефлексивным излучением которого она является, как неотъемлемая часть процессов его бытия.

---

³² Такой вывод можно сделать, к примеру, из теорий сторонников «изначальной двуонности» (см. их сайт в интернете).

В данном случае, в сверхъестественных объяснениях нет больше нужды, и они отпадают сами собой. С ними исчезнут все формы зависимости и подавления³³.

(2004-2005)

Подчинение женщин

(Возникновение Homo Gemeinwesen-10)

Вновь обрести неразрывность, значит вновь обрести несомненность

Мы не будем рассматривать здесь данный вопрос в целом, скорее мы сконцентрируемся на том, что нам кажется наиболее весомым и что до сих пор не рассматривалось, равно как и на тех данных, которые до сих пор рассматривались лишь поверхностно. Оговоримся, что климатические условия представляют собой решающий фактор для всех событий, происходивших с эпохи неолита, включая тот период, когда произошло подчинение женщин. На деле без климатического потепления, вызвавшего важнейшие изменения во флоре, не развился бы феномен оседлости у людей, чьи ранние проявления уже наблюдались в конце палеолита. Можно сказать, что всё началось как раз с седентаризации.

Отношения между мужчинами и женщинами занимают центральное место в становлении нашего вида, в итоге они определяют для нас всё. В предыдущих главах мы указывали на то, как возникновение какой-либо новой практики вызывало более или менее серьёзные изменения и даже нарушения равновесия, которые должны были быть чем-то компенсированы ради замедления процесса нарушения общности. Тем не менее, для полного понимания изменений в отношениях между мужчинами и женщинами, которые претерпел вид, необходимо в то же время отдавать себе отчёт в роли детей и уделять должное внимание отношениям между матерью и ребёнком – особенно

---

³³ Мы не рассматривали в данных «Уточнениях» теоретический вклад людей, заявляющих о новом взгляде на эволюцию человека, таких как, например, Анн Дамбрикур-Малассе́. По-моему, к их теориям, затрагивающим также будущее нашего вида, лучше всего было бы обратиться в ходе исследований регресса и деградациии.

на самой ранней стадии его жизни – и мужчиной (отцом). Вот почему мы придаём большое значение процессу инициации, возникшему в ходе становления практики охоты (см. главу 07), т.к. вместе с данной практикой под вопрос были поставлены отношения между ребёнком и матерью, а в лоне общины начала пропадать непосредственность, что породило динамику "культуры", подразумевающей второе рождение, якобы доказывающее реальное участие ребёнка в жизни общины и подтверждающее его принадлежность к ней. В то же время — это первый разрыв между матерью и ребёнком, а также в его собственной жизни, за счёт которого он достигает статуса взрослого, как если бы для этого действительно требовался разрыв с матерью и нарушение непосредственности ради наступления взрослого этапа.

В ходе развития охоты появились первые запреты и альянсы, началось развитие проистекающей из неё жизнеформы, в которой произошла автономизация власти, потому что нарушение запрета подразумевало высвобождение власти для нарушителя, способствовало производству индивидуального измерения и ослаблению общинного. Всё это опиралось на процесс познания, также начинавший переживать некоторую автономизацию, особенно после зарождения концепций чистого и нечистого, толкования смысла жизнедеятельности общины и её оправдания.

Ещё важнее в отношении становления власти – возникновение разграничения прерогатив между полами. Женщины тоже могли в ней участвовать – например, при загоне добычи – но они не убивали. Объяснение этому можно найти в функции менструальной крови и всего, что с ней связано. Но этого недостаточно: у женщин не было права убивать. Это право было у них отнято. У женщин было право давать жизнь, но не отнимать её. Женщина рассматривалась как существо, чья сила была связана с жизнью, в то время как сила и власть мужчины была связана со смертью. Власть представляет собой единое целое доступных возможностей для разных способов реализации жизненного процесса. Изначально власть связана с самоутверждением, которое, в отсутствие вражды, не затрагивает других. Очень важно понимать это, т.к. в итоге власть устанавливается над другими, подразумевая, напротив, вторжение в чужую сферу, манипуляции и ограничение свободы. Это власть над возможностями другого, заставляющая его осуществлять определённый процесс (отклонение).

Благодаря факту существования гаптобеременности отношения между матерью и ребёнком подразумевают утверждение глубокой взаимосвязи между ними, а это значит, что у женщин есть тенденция к развитию в качестве агента взаимосвязи, несмотря на присутствие всех её нарушений, в то время как мужчина действует в качестве агента полюса нарушения, одновременно сохраняя в себе измерение взаимосвязи. Становление вида осуществляется на фоне напряжения между полюсами неразрывности и нарушения связей, олицетворяемого "конфликтом" между мужчиной и женщиной. Так, мужчины занимают очень важное место в различных движениях, порождённых становлением вне естественной среды, включая мыслителей, избравших общность в качестве субъекта своих теорий.

В течение тысячелетий, под влиянием изменений в климатических условиях, осуществлялась дифференциация в образе жизни мужчин и женщин, без фактического разъединения между полами, исключительно в виде тенденции к самореализации, как в ходе развития охоты и практической магии. Точнее, это происходило из-за отсутствия фактического разъединения, но при наличии разъединения так сказать виртуального³⁴, поскольку само существование полов подразумевает разделение. Иными словами, мужчины и женщины могли жить вместе, будучи одновременно, каждый по-своему, погружёнными в процессы собственной самореализации, в рамках общей жизненной эволюции вида. Существовала комплементарность и неразрывность.

Всё изменилось в эпоху неолита из-за появления целого ряда феноменов, которые можно резюмировать и обозначить следующей формулировкой: отчуждение вида от остальной природы, т.е. тот основополагающий разрыв, за которым, в качестве его логического развития, последовали все остальные. Данный фундаментальный разрыв произошёл, когда определённая община, заняв некую территорию для её возделывания и разведения на ней своего скота, тем самым отделилась от окружающего мира, что породило динамику ограниченности и вражды, сменившую собой эмпатию, а также автономизацию власти, достигшей теперь состояния кванта манипуляций и накопления, превратившись из выражения мощи бытия в выражение власти над другими, и оттеснив любовь на второй план. С тех пор отношения

---

³⁴ Мы не можем здесь говорить о потенциале, потому что это подразумевало бы естественный процесс природного феномена (наподобие превращения жёлудя в дуб) и проявление неразрывности. Разделение подразумевает некоторую долю задействованного насилия, благодаря которому становится возможным переход от виртуальности к реальности.

между мужчинами и женщинами основывались уже не на личной силе, а на доступном им кванте власти, которого им удалось добиться, или, скорее, накопить, но также любви, без которой, из-за сохранения в нас естественности, невозможны никакие отношения. Все эти процессы положили начало феномену мегаломании.

Открытие женщинами земледелия, керамики, вкуче с их ролью в скотоводстве, повысило их могущество, увеличило квант их власти. Но не только. Женщины посягнули и на чисто мужскую сферу. Земледельческая практика позволила им осуществлять суверенный контроль над жизнью, но также и над смертью, и в силу вызванной этим мании величия, они начали считать себя "хозяйками животных", как если бы их способность рожать детей позволяла им также производить животных. В то же время это вызвало путаницу между женскими и мужскими функциями, а затем, вследствие чрезмерного роста и автономизации власти, был установлен матриархат, власть женщин над мужчинами, которых оставляли в чём-то вроде вечно детского состояния, то есть в состоянии зависимости, неполноценности, что было новшеством, напрямую порождённым нарушением неразрывности с природой, спровоцировавшим в свою очередь ослабление гаптобеременности и ощущения силы ребенка, выражающего собой саму эту неразрывную взаимосвязь с окружающим миром.

Мужчины, чувствуя себя под угрозой (реактивация древнего страха³⁵) с головой ушли в производство, овладевая различными техническими навыками и орудиями, в первую очередь благодаря металлургии (конец неолита) – это позволило им справиться с первоначальным смятением и установить подчёркнутое разделение функций между полами, воспользовавшись объективным фактором различий между мужчиной и женщиной в их анатомической организации, ставшей первичным межевым знаком этого разделения: сама концепция пола, при том что этимология этого слова (секс) уже указывает на разделение, с самого начала подверглась сильному идеологическому влиянию и стала источником глубочайшей двусмысленности. Это идеологическое измерение скрывает в себе намёк на превосходство – сменившее собой исходную неполноценность времён матриархата – мужского пола³⁶, которому начали приписывать

---

³⁵ Можно задаться вопросом не стали ли женщины, гораздо более близкие к природе, в большей мере сохранившие свою взаимосвязь с ней, первыми жертвами нарушения неразрывности.

³⁶ Такая концепция пола также скрывает в себе определённую двусмысленность, чреватую абсурдом. Фактически она одновременно указывает как на абсолют, так и на разделение на части.

преувеличенную физическую и, самое главное, интеллектуальную силу, которая, якобы, была призвана уравновешивать, или даже заменять собой, силу женщин, заключающуюся в их детородной способности.

Это превосходство основано в первую очередь на способности мужчин уйти от зависимости от природы, на факте их практического отделения от окружающего мира, в то время как женщины, сохраняя свою взаимосвязь с природой, в то же время остались зависимыми от неё. Вот почему становление разделённого и подчинённого мужчинами вида включает в себя растущее отчуждение, обусловленное стремлением избавиться от зависимости, при одновременном желании сохранить разделённое, давшим толчок к колоссальной вспышке творческой энергии, направленной на полную замену естественной среды искусственным миром – в этом нашла себе выражение гипертрофированная мегаломания человека.

После установления нового баланса во взаимоотношениях между полами, превосходство мужчин было закреплено в первую очередь через земледелие, ирригацию и металлургию. Способности женщин к деторождению была противопоставлена способность мужчин к производственной деятельности. Но этого было недостаточно для утоления их жажды власти и мании величия. Они захотели подчинить себе детородную способность женщин – не добившись успеха в управлении детородной силой животных – чтобы полностью заменить их. Поскольку это было физически невозможно, они заявили свои права собственности на рожденного ребенка, который будучи выражением и проявлением способности к деторождению, был возведен в статус символа власти. С появлением патриархата, статус нового члена общины закреплялся за ребенком с момента его принятия отцом, который брал его на руки и представлял той группе людей, что впоследствии получила название его семьи. В этот момент зародилась ужасная практика разделения матери и ребенка, с подавлением естественности последнего; в дальнейшем это разделение углублялось в ходе развития капитала, задежавшего (переигрывание) динамику нарушения взаимосвязи с окружающим миром. Роль женщины, утратившей свое прежнее значение, была сведена к её естественной функции, к её материнству³⁷, "отдавшись" во власть природы

---

³⁷ Мишель Оден, *Le bébé est un mammifère* («Ребенок – это млекопитающее»), изд. *L'instant présent*, указывает: "Судя по всему, женщины всегда стремились защититься, по крайней мере, от взглядов мужчин" стр. 29. Далее он добавляет: "Не так давно, в середине двадцатого века, в истории человечества, и даже в истории млекопитающих, вдруг появился новый феномен. Внезапно, многие женщины почувствовали

и, сохраняя верность своей потребности в оседлом образе жизни, противопоставляя топосу свой экос, с которым всегда пытались порвать мужчины. Подчинение женщин напрямую связано с разрывом связи с природой по вине мужчин. Их победа ознаменовалась ужасной практикой подавления, пиком которого стало ограничение физической свободы женщин (наиболее ярким примером остается гинекей у древних греков), их рабство и добровольная роль прислуги. Я намеренно пользуюсь этим двусмысленным выражением, как если бы постоянное поддержание ограничений могло породить привычку прислуживать, мутирующую в добрую волю. Практика подавления укрепилась благодаря разложению общины, она заменила комунитарное измерение во взаимоотношениях зависимостью, связанной с развитием хозяйства, в условиях сложившегося государства в его первой форме, чему последнее немало поспособствовало. Всё вместе это послужило формированию патриархата и полной реализации подчинения женщин. Разумеется, данный процесс был ускорен интенсивным разрывом взаимосвязи с природой. Можно даже утверждать, что сначала произошёл этот разрыв, а женщина, ставшая тогда символом природы, которую необходимо было подчинить, одновременно превратилась в непостижимое существо для мужчины, который больше не находил для себя места рядом с ней. Очень важно отметить данный момент, потому что потребность в подчинении женщин была неотделима от воли к господству над природой, родившейся напрямую из страха перед угрозой исчезновения вида.

После нарушения неразрывности повсюду, по крайней мере, на Западе, установился патриархат. В других зонах планеты, где не сформировалось государство, всё равно произошло подчинение женщин мужчинами. Оно уже присутствовало в деспотических общинах, на последней стадии общины, перед её превращением в государство³⁸. Конечно, сохранялись и зоны, где женщины ещё сохраняли свою

потребность в присутствии отца при родах ребенка" стр. 30. И ещё далее: "Для того чтобы разом избавиться от всех осложнений, оставляемых уходящей эпохой и заложить новые основы, мы должны сосредоточиться на вопросе, чье ключевое значение еще не до конца понято: почему ранее роженицы всегда стремились защититься от присутствия своих самцов?" стр. 33. Ответ мне кажется вполне очевидным – это была их реакция на подчинение мужчинами женщин.

Новый феномен, о котором говорит автор, на мой взгляд указывает на инверсию, он может быть связан с возвращением вытесненного в подсознание, в поиске наилучших условий для собственной экспансии. Изначально, скажем, до нарушения взаимосвязи с окружающим миром в эпоху неолита, мужчины всегда участвовали в родах, присутствовали при них, в этом выражалась их неразрывная связь с их собственными подругами.

³⁸ См. 8 главу «Возникновения Homo gemeinwesen»: «Формирование государства, как абстрактной общности».

независимость и некоторую долю власти как, например, в неолитическом поселении Чаттал-Хююк или на Крите, правда, совсем недолго – до начала вторжений кочевых скотоводческих народов, рано или поздно происходивших, как и во всех других регионах и приносивших с собой патриархат. В частности, среди прочих авторов, поддерживающих данную теорию, выделяется Мария Гимбутас. Тем не менее, неясным остаётся само происхождение патриархата и, в частности, почему носителями патриархата стали именно индоевропейские народы? Теорией арийского вторжения слишком часто пользуются, как *deus ex-machina* для объяснения самых разнообразных социальных потрясений³⁹.

Точно так же, на мой взгляд, Жак Ковен умалчивает о конфликте между мужчинами и женщинами, в результате которого установилась власть мужчин. Мы не будем здесь излагать содержание его работ *«Рождение божеств, рождение земледелия – Революция знаков в эпоху неолита»*⁴⁰, поскольку для начала следовало бы уточнить с какого момента можно говорить о появлении богов и богинь. На мой взгляд, это стало возможным после возникновения государства, в начале исторического времени. К нашей теме ближе всего глава *«Неолитическая революция» или ментальная мутация*⁴¹. На деле, в ней уточняется в чём заключалась пресловутая мутация: "Произошло некое событие психического порядка. Мы определяем его как новый разрыв в человеческом воображении между понятиями "высого" и "низкого", между олицетворением божественного порядка, силы и господства с одной стороны, и повседневной силой человечества, чьи внутренние усилия к достижению вечно ускользающего от него совершенства могут символизировать руки, поднятые в молитве, с другой"⁴². Этот "разрыв" произошёл из-за растущего отчуждения человека от природы, став колоссальным "нарушением неразрывности", в числе прочего упразднившим традиционную связь между мужчиной и женщиной и породившим концепции «превосходства» и «неполноценности», выражающие собой зависимость одного пола от другого, равно как и зависимость нашего вида от невидимого мира, который человеческое воображение заселило всевозможными ипостасями. Подчинение женщин прекрасно сочетается с органическим

---

³⁹ Ср. Мария Гимбутас, «Язык богини», изд. des femmes, Антуанетт Фуке, и Ж.П. Демуть, «Куда же делись индоевропейцы? Миф о происхождении Запада. изд. Seuil.

⁴⁰ Жак Ковен, «Рождение божеств, рождение земледелия – Революция знаков в эпоху неолита», изд. cnrs.

⁴¹ Там же, глава 7, стр. 95.

⁴² Там же, стр. 98.

и ментальным разрывом, но его нельзя свести просто к мутации, как к концепции, подразумевающей резкий процесс видоизменения, потому что ему потребовались для реализации тысячелетия, целая эпоха неолита.

Наконец, в наше время до сих пор существуют регионы, избежавшие подчинения женщин⁴³. Однако, в данном контексте не стоит говорить о матриархате, потому что этот термин означает отсутствие руководящей роли, власти мужчин в отдельных обществах, как, например, у народности На в Китае⁴⁴, у которой преобладает важное разделение между полами, и мужчины находятся в зависимом положении. Ещё сильнее этот феномен выражен в амазонских сообществах, где мужчин используют только в момент воспроизводства. Данные факты служат очередным свидетельством глубины исторического конфликта между полами.

Присутствует патриархат или нет, разделение функций между полами является свершившимся фактом. Оно вполне может объяснять застой в эволюции вида, наш общий тупик. Любовь стала важным средством преодоления этого тупика, порождая союз, ещё одно выражение утраченного единства и автономизации власти, потому что он служит посредническим звеном для восстановления взаимосвязи с космосом, но в то же время свидетельствует об утрате непосредственности: обычно любят то, что от нас отделено. Отсюда позже появляется новая, своего рода комплементарная динамика – практика подчинения сексуальности, как вариант господства над природой.

Всемирная литература содержит огромное множество восхвалений любви, особенно той, что переживается естественно, в этом литература служит своеобразным заклинанием, защитой от проклятия, средством преодоления диалектики любви-ненависти. Так, Тристан и Изольда любят друг друга не по естественным причинам, а потому что они выпили любовный напиток, как если бы этот напиток позволял преодолеть страх перед женщиной. Можно рассматривать искусство, как способ терапии для человеческой души, позволяющий преодолевать и усваивать опыт различных травм, которым мы

---

⁴³ Ср. Хайде Гёттнер-Абендрот, «Матриархальные общества – Исследования автохтонных культур во всём мире», изд. des femmes, Антуанетт Фуке. Очень интересная книга, благодаря представленной в ней обширной документации и разнообразию важных теоретических суждений.

⁴⁴ Ср. Кай Хуа, «Общество без мужа и отца, На в Китае», изд. PUF.

подвергались в течение нескольких последних тысячелетий. Возникновение искусства неотделимо от зарождения государства, изначально также обладавшего широким терапевтическим измерением. Те же самые исследования применимы к области религии. Кроме того, стоит отметить, что во всех этих трёх случаях женщина выступает в роли посредницы, нередко почитаемой, что является ещё одним воплощением двусмысленности.

Подчинение женщин, которое оправдывали их зависимостью от природы и их т.н. физической и интеллектуальной неполноценностью, произошло в результате роста враждебности среди людей, сопровождавшегося отрицанием врожденных качеств. Деяние, становление, а вслед за ними и труд с прогрессом превратились в синонимы бытия. Эти изменения основывались на процессе познания, служившем обоснованием для разрыва взаимосвязи с окружающим миром, отчуждения и отказа от непосредственности, способствовавших распространению отрицания, манипуляций реальностью у человека, как на общественном уровне, так и в межличностных взаимоотношениях. В наименьшей степени это относится к невидимым феноменам, отныне не связанным более с видимым миром, но выделившимся в отдельную сферу, населенную ипостасями, чья множественность характеризует процесс всеобщего разделения, и которыми можно манипулировать. Люди намеренно сужают свою жизненную среду, свой экос, ради достижения чувства безопасности от угрозы истребления. Они застревают в нём. С этого момента можно говорить о господстве динамики ограничения, воздействующей на становление вида: в границах городов, кладбищ, храмов, церквей, наций, различных общин, семьи, индивида, наконец, с расцветом гипериндивидуализма.

Разделённый мир можно считать одним целым пустоты, отождествляемой с невидимым миром, который необходимо теперь исследовать, населять ипостасями, чтобы манипулировать ими так, чтобы стало возможным положительное восприятие замкнутости вида на самом себе – его безумия – как огромной пустоты, в которой он надеется создать альтернативный мир, где уже не будет существовать угрозы истребления. Отсюда постоянное развитие искусственного мира, замкнутого на самом себе, порождающего свою собственную форму самоистребления, в то время как пустота находит себе выражение в отрицании и уничтожении природы. Уточним и добавим: невидимое поначалу может считаться неуловимым, неразличимым, не

поддающимся определению и осознаваемым только в виде пустоты, чьей диалектической составляющей является полнота. Этим объясняется возможность манипуляций пустотой. Господствующие группы для увеличения собственной власти и её эффективности, ради того, чтобы не ставили под вопрос их самих, стремятся сделать свою власть невидимой. С другой стороны, отрицание индивидуальных качеств, как в случае с подчинением женщин, опустошает личность, лишает её субстанции. Патриархальная власть не признаёт за женщинами человеческих качеств, оправдывая этим господство мужчин. С пустотой можно сравнить молчание, в том смысле, что оба понятия обозначают отсутствие. Этим объясняется упорное навязывание господствующими группами молчания⁴⁵ своим субъектам в целях поддержания собственного господства и, в том числе, патриархальная власть действует точно так же.

Субъекты господства, чтобы избежать козней власти, скрыться от неё, стремятся к невидимости (всё немного сложнее с молчанием). Применение этой концепции можно расширить до всего вида, потому что он тоже стремится стать невидимым, чтобы избежать угрозы собственного истребления: отсюда тупик, в котором он застрял.

Уточним иными словами, что двусмысленность в поведении становится действенным противоречием. Мужчины считают, что действуют на полюсе заполнения, в то время как комплементарная им пустота представлена женщинами. Поэтому женщин стремятся сделать невидимыми – это наилучшее средство избежать угрозы представляемой женщинами⁴⁶. Угроза становится ещё сильнее из-за их способности к соблазну, позволяющей им манипулировать мужчинами. Тем не менее, когда речь заходит об изучении невидимого бытия обращаются именно к ним: их дар интуиции доказывает, что их невозможно лишить естественности, как нельзя обойтись без женщин,

---

⁴⁵ Ср. Ле Гофф Ж. «От молчания к слову – право на труд, здравоохранение, государство» (1830-1989), изд. Calligrammes.

⁴⁶ Стремление к невидимости во избежание угрозы находит своё крайнее выражение у движения «Талибан», которое хочет видеть женщин полностью покрытыми, так что в итоге именно их маскировка служит определением их пола (женщина является таковой, потому что полностью скрыта от глаз), в то же время это крайняя степень инструментализации и манипуляций женщинами: их можно видеть только в частной жизни, в которой они обеспечивают питание и удовлетворяют сексуальные желания мужчин. Это настоящий пароксизм страха перед женщинами, присутствующий и в других местах, пусть и не в такой радикальной форме. Они также хотят, чтобы женщины всегда молчали. По сути, они хотят, чтобы женщины существовали не существуя.

что все попытки спрятать женщин являются безнадежными манипуляциями, продиктованными мегаломанией⁴⁷.

Одновременно с подчинением женщин происходит его обоснование при помощи ставших привычными оправданий. Тем не менее, уточним от себя: оно позволило избежать повсеместной седентаризации, что можно приравнять к уходу от зависимости, ведь в этом смысле женщины оставались консервативной силой из-за своей тесной связи с природой. Бегство от оседлой жизни вызвало чрезмерное усиление роли техники в нашей жизни, сегодня – это инновационная динамика, чьим конечным результатом может стать истребление вида, в т.ч. через его замену искусственным человеком.

С подчинением женщин пришла борьба против него, а также попытки преодоления конфликта между полами через отрицание самого существования полов и необходимости в естественном воспроизводстве вида, это неотъемлемая часть процесса наших блужданий – так онтоз и специоз, индивидуальный и видовой психоз, эволюционируют до состояния полного безумия.

Тем не менее, это не самое главное последствие, потому что с упразднением патриархата исчезает целый свод правил, которым подчиняются отношения между полами, в первую очередь господство мужчины над женщиной, благодаря тому факту, что существование государства более не опирается исключительно на данный вид господства, в связи с чем представители государственной власти начали делать заявления о равенстве полов и стремиться к его реализации. Подчинение женщин искореняется, хотя сохраняется насилие против них.

---

⁴⁷ Политики, как и крупные бизнесмены, такие как Илон Маск, отличаются крайней степенью мегаломании. Вот, что сообщает журнал L'Express: "По мнению основателя компании Tesla, мы думаем, что живём в реальном мире, но шансов, что на самом деле мы пребываем в симулированной реальности гораздо больше. Иными словами, наш мир – это Матрица. Мы являемся лишь игрушками в информационной симуляции, созданной более развитой цивилизацией. (...) Если это так, то цивилизация, поместившая нас в Матрицу – это лишь новая раса искусственного интеллекта, (...)."

По-моему – это очередное выражение подсознательного страха перед истреблением, столь ярко изображенным в фильме «Матрица». Очень симптоматично, что этот страх всё чаще всплывает на поверхность, в самых разнообразных формах, становясь тем сильнее, чем больше мы действительно приближаемся к самоистреблению. По сути, идея о том, что нами манипулируют остаётся единственным приемлемым объяснением блужданий нашего вида в мире, принявшем вид лабиринта (чем дальше мы продвигаемся, тем безвыходнее становится наша ситуация), в то время как в тупике, в который мы в итоге зашли (наше безумие) всё больше устаревает понятие конечной цели, как решения всех противоречий.

Чтобы разобраться в данных феноменах, мы должны вернуться к теме разделения, спровоцировавшего продолжительный, прогрессирующий регресс в реализации гаптобеременности и медленную деградацию условий воспитания детей. В первую очередь, фрагментация общины снизила сплочённость между женщинами, в связи с чем детей сегодня намного меньше носят на руках. Разделение диад с установлением диалектики полов так же негативно сказалось на гаптобеременности, тем более, что оно повлияло не только на сами диады, т.е. на всех индивидов с потенциальным комплементарным измерением, к примеру, на мужчин, обладающих способностями, присущими женщинам и наоборот. Подчёркивание различий привело к обеднению качества жизни и лишило гибкости взаимоотношения как между мужчиной и женщиной, так и между родителями и их детьми, чему виной опять же стало оскудение практик гаптобеременности. Это становится очевидным, когда дитя превращается в символ власти и объект оспаривания. Реализация искусственного мира через медленную замену человеческих отношений экономическими связями и подчинением власти, после возникновения государства в его первой форме, усугубляют эту общую деградацию. Из этого вытекает необходимость адаптировать ребенка к искусственному миру, а это неминуемо влечёт за собой подавление его естественности, чтобы сделать его пригодным для жизни в этом мире и развития в нём. Таково происхождение динамики подавления естественности детей, осуществляемого родителями ради их же блага, зачастую через физические наказания, запреты, диктуемые изначально деспотической общиной, затем государством. В этом смысле, мать представляется двойственным персонажем с одной стороны она благодетельна и исполнена любви, с другой она повинна во вредоносной динамике навязывания зависимости. Это вызывает ненависть к матерям, которая у повзрослевших мужчин превращается в ненависть к женщинам, зачастую в сочетании со страхом, мизогинией, а у самих женщин и с ненавистью к самим себе. Женоненавистничество нередко усиливается, когда человек в чересчур тяжелых жизненных условиях пытается избавиться от двусмысленности и выбирает общее направление, наиболее отвечающее текущему общественному становлению – динамику враждебности. Именно так складывается "злосчастье", о котором говорит Этьен де Ла Боэси в своём *«Рассуждении о добровольном рабстве»*: злосчастье "которое могло так извратить природу человека, поистине единственного существа, рожденного, чтобы жить свободно, и заставить его забыть о своей первоначальной

свободе о желании вернуть ее...». Затем, объясняя то, что он называет добровольным рабством он утверждает, что " главная причина, по которой люди добровольно отдаются в рабство, состоит в том, что они рождаются рабами и в рабстве воспитываются ". Мы уже отмечали, что во многих языках ребенок и раб обозначаются одним и тем же словом, потому что оба являются зависимыми существами. Точно так же прилагательное «рабский» часто относится к женщинам, потому что они тоже живут в зависимом положении. Равным образом мы отмечали, что именно динамика попыток преодоления зависимости от природы, которая представляется одновременно матерью и мачехой, стала определяющей для становления нашего вида, особенно начиная с эпохи неолита. В заключение добавим, что всё выглядит так словно мужчины и женщины действительно живут в навязанном им добровольном рабстве, хотя они порой и предпринимают попытки освободиться от него, и что наше общее злосчастье сложилось именно в момент нарушения взаимосвязи нашего вида с окружающим миром.

Мы уже немало говорили о том, как мы могли бы уйти от этого ужасного становления, неуклонно ведущего к истреблению нашего вида: через инверсию, состоящую в основном из примирения с природой, а значит и к признанию женщин во всей их естественной силе. Восстановление их естественности обретает первостепенное значение, особенно в момент родов⁴⁸, из-за их определяющего значения для естественности ребенка. Именно когда всё начинается... становится возможной реализация инверсии.

сентябрь 2021 г.

---

⁴⁸ См. в частности: Мишель Оден, *Le bébé est un mammifère* («Ребенок – это млекопитающее»), изд. L'instant présent, который упорно настаивает на исключительной роли акушерок и молозива. Ср. также: Ина Мэй Гаскин, «*Le guide de la naissance naturelle - retrouver le pouvoir de son corps*» (*Руководство по естественным родам – как вновь открыть силу своего тела*), изд. Мама.